

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ 7 р. 50 к.

на 6 мѣсѣцъ . . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсѣцъ . . . 4 р. —

Отдѣл. номера по 20 к.

Съ доставки, и пересылкою

на годъ 8 р. —

на 6 мѣсѣцъ . . . 6 р. —

на 6 мѣсѣцъ . . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Обозр. д. № 14, кв. 5.

ПОДПИСКА

принимается въ Каторгѣ—СБ.,
Иркутскѣ, д. № 13, кв. 18.

а также въ книж. маг. Валь-
а, Нев., Гости. до, № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Масунова.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книж. ма-
газинѣ Аалександрова.

Въ Тобольскѣ—въ книжн.
агентствѣ Шавердова.

СОДЕРЖАНІЕ: Начало сибирскихъ реформъ. — Государство и общество. С. — Вѣсти съ Востока. — Правительственныя сообщенія. — Мон-
гольская литература. А. М. Подвижна. — Не Сибирская и Сибирская желѣзная дорога. — Корреспонденціи. — Гимны (обозначен.). И. И. Наумова. —
Телеграммы. — Хроника жизни на сеѣду. — Библиографія. — Барышня навѣсти. — Обычае.

НАЧАЛО СИБИРСКИХЪ РЕФОРМЪ.

Мы получаемъ съ озадаченнаго востока массу писемъ и пожеланій, чтобы административная реформа осуществилась для Сибири, и кромѣ размежеванія районовъ выразилась въ упраздненіи генералъ-губернаторствъ въ центральныхъ губерніяхъ. Надо замѣтить, что эти пожеланія несутся какъ въ Западной Сибири, такъ и Восточной, и изъ послѣдней еще болѣе. Завлечь объ этомъ край имѣеть вѣроятно серьезныя причины. Голосъ народа, голосъ—Божій. Зная сибирскую жизнь, мы убѣждены, что эта мѣра будетъ шагомъ, который введетъ Сибирь въ фазисъ новой жизни накаунтъ ея 300-лѣтія. Послѣ долгихъ ожиданій мы готовы приветствовать эту мѣру, какъ начало измѣненія стараго сибирскаго режима. Веѣми сознаю, что учрежденія 1822 г. отжили свое время и не представляютъ достаточныхъ гарантій контроля, какъ и обезпеченія законности. Созданныя въ Сибири для водворенія этой законности и правльнаго порядка управленія, для ограниченія самовласти послѣ Сперанскаго, они не выполнили ни одной изъ своихъ задачъ, напротивъ, создали систему *усмотрѣній*. Несмотря на то, что Сперанскій желалъ подлѣ генералъ-губернаторской и губернаторской власти соорудить учрежденія, ограничивающія эту власть, а мѣстнымъ совѣтамъ придать компетенцію, планъ этотъ не удался. Бюрократическіе совѣты оказались слабыми, видными, зараженными канцелярской рутиной и явились вполнѣ безсильными. Составъ этого центрального учрежденія бывалъ такъ плохъ, что лучше генералъ-губернаторы должны были стараться объ ихъ очищеніи и переименіяхъ. Но рядомъ съ этимъ, генералъ-губернаторская власть съ 20-хъ годовъ возвратилась къ прежнему началу всевластія, которое хотѣлъ уничтожить Сперанскій, то-есть исторически Сибирь не подвинулась ни на шагъ. Сибирскія учрежденія такимъ образомъ далеко не осуществили своей программы и того духа, который хотѣлъ вложить въ нихъ законодатель. Исторія ихъ существованія обнаруживаетъ несостоятельность ихъ, поэтому приговоръ надъ ними понятенъ. Если не приходится жалѣть фиктивные совѣты и главныя управленія, тѣмъ менѣе заслуживаетъ сожалѣнія уничтоженіе генералъ-губернаторскаго самовластия

и произвола. Не мѣшаетъ напомнить тѣ начала и принципы, которые были положены еще 60 лѣтъ назадъ въ основу обновленнаго административнаго склада и поставлены какъ цѣлью реформы однимъ изъ лучшихъ законодателей. Вотъ что имѣлъ въ виду Сперанскій. Онъ желалъ положить всякій предѣлъ необузданной власти въ Сибири и произволу: 1) преобразить личную власть начальниковъ въ установленіе и, соединивъ единство ея дѣйствія съ *мнимою*, охранить ее отъ самовласти и злоупотребленій законными средствами; учредить ея дѣйствія (т.-е. распоряженія), чтобы они не были личными и домашними, а служебными и *публичными*; 2) усиливъ надзоръ, собрать раздробленныя и безсильныя его части въ одно *установленіе*, и такимъ учрежденіемъ *замѣнить*, съ *одной стороны, удаленный отъ Сибири надзоръ всибири правительственнаго, а съ другой—недостаточный надзоръ общественнаго мнѣнія*; 3) раздѣлить и опредѣлить тѣ административныя функціи, которые были прежде смѣшиваемы въ разныхъ учрежденіяхъ; 4) привести въ согласіе всѣ части управленія; 5) приспособить управленіе къ особенному положенію тѣхъ сибирскихъ областей, которыя при огромномъ пространствѣ имѣють весьма мало населенія; 6) ввести простоту и удобство обрядовъ, въ видахъ успѣшности и быстроты разрѣшеній дѣлъ.

Начала эти весьма важны при всякой реформѣ и должны послужить исходною точкою. Сперанскій и Козадавлевъ, высказываваясь въ государственномъ совѣтѣ, имѣли въ виду отдѣлить административную и судебную власть, ввести простоту обрядовъ, скорость и публичность рѣшеній, значить начала «новаго суда», затѣмъ расширить права городскихъ управленій. Графъ Будовъ въ замѣчаніяхъ о сибирскихъ учрежденіяхъ предлагалъ въ совѣтахъ имѣть людей съ мѣстными свѣдѣніями и знакомыхъ съ нуждами края. (П. С. З. 8 ноября 1856 года № 31124 и Вагнъ о Сперанскомъ, ч. II с. 399). Что же сдѣлали генералъ-губернаторы для осуществленія этого юридическаго различія? Они смѣшали всѣ функціи въ одномъ лицѣ и парализовали губернскія учрежденія. Козадавлевъ когда-то предполагалъ ввести *выборный элементъ* въ совѣты высшаго сибирскаго управленія, какъ лучшую гарантію

правильности разрѣшенія вопросовъ. Сперанскій остановился предъ практическимъ применениемъ, сочувствуя однако этому началу. Онъ опасался почему-то, что выборы для сибирскихъ обывателей будутъ обременительны. «Правильнѣе было бы составить совѣтъ изъ лицъ мѣстному управленію (административному) постороннихъ, въ то Сибиріи нѣтъ дворянства и весьма мало купечества; впрочемъ, когда Сибирь будетъ имѣть населеніе, когда богатства ея придутъ въ большее движеніе и доходы ея умножатся, тогда можно будетъ составить совѣтъ главнаго ея управленія изъ людей высшаго мѣстнаго сословія, что не сдѣлаетъ существенной перемены въ предполагаемыхъ нынѣ учрежденіяхъ»^{*)}. Такимъ образомъ, Сперанскій смотрѣлъ на свои учрежденія, какъ на переходныя, его удерживало только опасеніе, что Сибирь не найдетъ развитыхъ выборныхъ элементовъ. Генераль-губернаторская власть между тѣмъ никогда не ходатайствовала о земствѣ и ни разу не обращалась къ совѣту мѣстныхъ жителей, какъ, напримеръ, сдѣлать въ послѣднее время архангельскій губернаторъ Барановъ. Она рывала сношенія съ обществомъ, а не сближалась съ нимъ. И Козадаевъ и Сперанскій одинаково желали простора гласности въ Сибиріи, какъ лучшей помощи для высшей власти въ раскрытіи мѣстныхъ злоупотребленій, но мѣстная власть на Востокахъ со времени Пестеля вела только борьбу съ этою гласностью, стремясь, чтобы съ Востока ничего не дошло.

Учрежденія Сперанскаго по духу шли въ разрѣзъ съ личною генераль-губернаторскою властью управленія по капризу и скорѣе уменьши ея, чѣмъ усилили. Для этого достаточно припомнить главныя основанія сибирскаго управленія. Вотъ эти слова въ официальномъ объясненіи.

«Если бы личная власть, представленная до 1819 года бывшимъ въ Сибиріи главнымъ правителемъ, и ограждалась подробными и самыми вѣрными правилами: то и тогда, быть удалена отъ надзора, и не имѣя вокругъ себя ни преграды, ни предостереженія, она легко могла бы перейти въ самовластіе. Довѣріе къ личнымъ свойствамъ тутъ не защита, ибо въ самовластіи впадаютъ постепенно, невечувствительно и не всегда съ худымъ намѣреніемъ. Напротивъ, при намѣреніяхъ самыхъ лучшихъ, по самому усердію къ добру, и желая дойти къ сему кратчайшею дорогою или избравъ рѣшительнѣйшія мѣры, увлекаются въ заблужденія; сперва для сокращенія нарушаютъ формы маловажныя, потомъ идутъ къ важнѣйшимъ, наконецъ касаются и существа дѣла, и такимъ образомъ, поступая всегда по добрымъ побужденіямъ, непроверяютъ порядокъ, и, дѣйствуя по совѣсти, дѣйствуютъ противозаконно.» (Обозрѣн. Главн. мѣстн. управ. Сиб. Изд. 1841 год. стр. 14).

Съ этимъ началомъ однако не могла примириться генераль-губернаторская власть, во все время ея существованія. Послѣ Сперанскаго она стремилась сосредоточить все управленіе въ своихъ рукахъ, взять все на свою ответственность и нарушила духъ законовъ сибирскаго учрежденія.

Указавъ на эти начала, которыя не могли бы проведенны только въ силу несостоятельности орудій и созданныхъ учрежденій, многие задаются мыслью, насколько указаннаго начала осуществятся при новой реформѣ, съ упраздненіемъ генераль-губернаторства. У мѣстныхъ жителей, наиболее знающихъ сибирскіе безпорядки, является невольно вопросъ: въ

чемъ будутъ заключаться гарантіи и спасеніе отъ злоупотребленій и того же произвола, вносимаго въ жизнь мѣстныхъ губернаторами. Если до сихъ поръ на нарушеніе законовъ и на губернской произволъ являлся высшая апелляція у генераль-губернаторовъ, то уничтоженіе этого учрежденія не лишаетъ ли сибирскихъ жителей послѣдняго заступничества? Доводы эти сторонниковъ генераль-губернаторской власти дѣйствительно имѣли бы основаніе, еслибы историческое прошлое указанныхъ учрежденій свѣдѣствовало объ упомянутой роли ихъ въ сибирскихъ дѣлахъ. Но мы видимъ далеко не то. Только немногіе энергичные и способные генераль-губернаторы поднимались до высоты этой задачи, другіе брали подъ свое покровительство и защиту весь старый сибирскій режимъ со всеми его злоупотребленіями, дѣлая предметъ этой вопросу самобытн. Являясь въ Петербургѣ, они увѣрили, что у нихъ «все обстоитъ благополучно», что Сибиріи реформъ не нужно, что она еще не дозрѣла и все, что доносится о злоупотребленіяхъ, есть клевета и лебда. Это говорилось, когда на мѣстахъ страдали. Какую же защиту могли видѣть сибирскіе жители въ подобномъ отношеніи? Сибирское учрежденіе и генераль-губернаторство создавали и исключительные законы и выдѣляли Сибирь отъ всѣхъ другихъ. «Общее Положеніе» является напротивъ осуществленіемъ того принципа законности, который имѣлъ въ виду и Сперанскій. Конечно, этотъ принципъ потребуетъ введенія рядомъ всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыя способствуютъ осуществленію законности и правовому порядку. Предоставленіе власти однимъ губернаторамъ не соответствовало бы настоящимъ нуждамъ только тогда, если губернаторская власть въ сибирскихъ губерніяхъ останется при прежнихъ до-реформенныхъ учрежденіяхъ и ей будетъ предоставленъ просторъ для произвола. Усиленіе власти восточнаго администратора, неударимаго контролемъ, конечно, можетъ повести къ новымъ злоупотребленіямъ. Но общее положеніе закона не даетъ основанія разумѣть это. Въсѣхъ старыхъ сибирскихъ учрежденій, въ губерніяхъ, конечно, будетъ создано нѣчто болѣе дѣйствительное. Сильная прокурорская власть, рядомъ съ новыми судебными уставами, должна стоять рядомъ и сдерживать одинаково и административныя позыновенія. Въсѣхъ съ тѣмъ, это будетъ желаемымъ раздѣленіемъ властей, предложеннымъ еще Сперанскимъ. Доселѣ административныя обязанности губернатора смѣшиваются съ судебными функциями, какъ и во всемъ странѣ сибирской жизни. Далѣе, отъ администраціи должно отойти хозяйство, городскія и земскія учрежденія, что облегчитъ задачи администраціи. Идея компетентности мѣстныхъ сословія и ихъ помощи постепенно будетъ осуществляться. При «Общемъ Положеніи, по всей вѣроятности, будетъ предоставленъ доступъ «гласности», къ которой также стремились прежніе законодатели. Для высшаго правительства въ край отдаленномъ она драгоценна. Беззаконія, своевластіе при гласности всегда доносится. Словомъ, нынѣ можетъ выступить цѣлый рядъ учрежденій и силъ, которыхъ прежде не существовало. «Общественное мнѣніе», на недостатокъ котораго указывалъ Сперанскій, теперь не является проблемъ, оно зарождается при гражданственности края. Возмѣтъ высшихъ сословія, въ Сибиріи есть городскія классы, защиточныя сословія, образованные слои служебные и неслужебные, практическое, умное и честное крестьянство, научившееся своимъ хозяйствен-

^{*)} Историч. свѣд. о дѣятеляхъ графа Сперанскаго въ Сибиріи, Выгна, т. II, гл. XIII, стр. 312.

нимъ дѣламъ и сплоченное въ общество съ хозяйственной организаціей. Прислушаться къ голосу мѣстнаго населенія представляется полная возможность. Такимъ образомъ, все облегчаетъ введеніе «Общаго Положенія». Самая административная реформа при этомъ является не столько внѣшнимъ распределеніемъ районовъ, сколько измененіемъ по существу и введеніемъ новыхъ началъ, соответствующихъ болѣе времени и основамъ законодательства всякаго просвѣщеннаго народа. Должно только желать, чтобы рядомъ съ уничтоженіемъ генералъ-губернаторовъ подвинулось дѣло общихъ преобразованій въ сибирскихъ губерніяхъ, что неминуемо съ упраздненіемъ главныхъ управленій, сосредоточивавшихъ въ дѣлѣ дѣла министерствъ: внутренняго, финансовъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ. Остается на очереди распределеніе этихъ дѣлъ по губерніямъ среди новыхъ учрежденій. Такимъ образомъ административная реформа должна разсматриваться, какъ реформа общественная, которая ослабить гнетъ, дать больше простора для развитія общественныхъ силъ и изъ сатрапіи создать гражданскую страну. Вотъ почему общественныя симпатіи стоятъ на сторонѣ этой реформы.

Всѣмъ за административную реформую сама собой встаетъ цѣлая масса задачъ и другихъ вопросовъ, затронуть жизнь края. Административная реформа и уничтоженіе генералъ-губернаторствъ, такъ скажутъ, очищаетъ мѣсто имъ. Нужды и задачи весьма многочисленны въ Сибири, такъ какъ край въ до-реформенной жизни черезъ-чуръ накопиль ихъ, но разрѣшеніе ихъ просто и проще, чѣмъ гдѣ-либо. Нужды этого отдаленнаго края откладывались слишкомъ долго, поэтому они теперь являются слишкомъ настоятельными, выступаютъ сразу и требуютъ немедленнаго разрѣшенія. Такъ случилось съ университетскимъ вопросомъ, который разрѣшился сразу, такъ совершается съ административной реформой, благодаря энергіи нынѣшняго министерства. Здѣсь приходится разсѣкать гордые узлы времени. Нѣтъ сомнѣнія, что за этимъ вступать и всѣ другія народныя нужды и вопросы на Востокѣ.

Вопросы эти, весьма долго залежавшіеся въ специальныхъ учрежденіяхъ и комиссіяхъ, начинаютъ получать движеніе. Новости объ этомъ мы поставляемъ своею задачею сообщать. Все это даетъ основаніе предполагать, что восточная окраина живетъ у начала неотложныхъ реформъ, которыя начинаютъ уже осуществляться.

Въ виду многочисленныхъ жалобъ на безпорядокъ жизни, въ виду тѣхъ горькихъ воплей, которые несутся, подъ тяжестью жизни, надъ горьюю и бездольною нашею землею, мы обращаемся къ нашимъ землякамъ, указывая на симптомахъ перемѣнъ въ старомъ сибирскомъ строѣ. Мы просимъ друзей, товарищей и братьевъ за Ураломъ, несмотря на всѣ прерывности и мрачное настоящее существованіе, укрѣпиться върою въ будущность нашей дорогой родины, въ ея человеческое призваніе, обновленіе и сохраняя надежду до лучшаго времени.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО.

Взаимныя отношенія между этими проявленіями социальной жизни—вопросъ не газетной статьи. Но и въ газетной статьѣ нельзя миновать отношеній къ этому вопросу той или другой изъ рѣшающихъ его сторонъ. Однимъ, напримѣръ, способомъ собственноручно разрѣшать его центрамъ, и совѣтамъ другимъ—провинціямъ.

Что бы ни стали разумѣть подъ именемъ центра, будетъ ли то центральная, господствующая національность, это ядро всякаго государства, или же центральная правительственная власть, или центральный, т.-е. столичный городъ, или, наконецъ, столичная пресса, публика, господствующая въра, преобладающее право,—всѣ они склонны рѣшать вопросъ въ пользу государства, т.-е. государству давать выское предпостановленіе предъ обществомъ, обращать все свое вниманіе главнымъ образомъ на первое, а не на второе, и отъ него одного ожидать всѣхъ возможныхъ благъ и всѣхъ единственно действительныхъ стимуловъ общезнания. Причина подобаго предрасположенія понятна сама собою. Господствующая національность, власть, столица, въра, право, пресса, все это и есть именно то, что или слагаетъ собою самое государство или, по крайней мѣрѣ, государственностью производится. А потому и государственная точка зрѣнія есть для всѣхъ для нихъ, такъ сказать, своя собственная точка, сосгуетъ съ которой для всякаго зрителя такъ не легко, въ особенности когда на ней простояли въ теченіи многихъ столѣтій. Отсюда вся, напримѣръ, законодательная разработка въ государствѣ ограничивается обыкновенно какимъ нибудь развѣ навсего предположеннымъ правомъ; и если когда нибудь, государство задумывается организовать обычное, мѣстное право, какъ задумалъ-было Сперанскій для Сибири, то оно обыкновенно не усматриваетъ въ этомъ, и только безъ нужды разбраивается въ стороны. Такое дѣло съ руки ученому обществу, научной энциклопедіи, мѣстному изслѣдователю, во никакъ не бюрократіи и не государству. Отсюда также и то, что и самая пресса центральная естественно поглощена тѣмъ, что у нея вначалѣ мечется подъ глазами. Новая законодательная мѣропріятія, новыя распоряженія административныя, новыя судебныя процессы, новыя бюджеты, назначеніе новыхъ должностныхъ лицъ,—вотъ главнѣйшій матеріалъ всей центральной публицистики, весь предметъ ея критики, ея вѣрованій, надеждъ и пожеланій.

Нѣсколько иная природа у другой точки зрѣнія,—мѣстной, областной. Стоя вдали отъ всякихъ центровъ, отъ столицы, отъ власти, отъ центрального общественнаго мнѣнія, находишь постоянно подъ впечатлѣніемъ, не столько лицитивны всѣхъ предпринимаемыхъ мѣръ, сколько самахъ послѣдствій ихъ на мѣстахъ,—область, провинція естественно переполняется созерцаніемъ этихъ послѣднихъ, а не первыхъ. Такимъ образомъ, точка зрѣнія мѣняется; государственность по-новому отходитъ на второй планъ, а на первый выступаетъ общественность, т.-е. то, что оставалось на второмъ планѣ въ первомъ случаѣ. Известно, напримѣръ, что каждая государственная мѣра, кромѣ той цѣли, кака я имѣлась у нея въ виду при самомъ изданіи, разрѣшается обыкновенно еще многими другими послѣдствіями, которыя не только не входили въ ея намѣренія, не только были вполнѣ непредвидѣнными, но

верѣдо идти даже наперекоръ тому, что имѣлось въ виду. Такъ, напримеръ, крестьянская вама реформа имѣла цѣлью главнымъ образомъ освободить народный трудъ, обезпечивъ при этомъ только податныя обязанности крестьянъ предъ правительствомъ. Между тѣмъ, дѣйствительныя послѣдствія реформы далеко опередили собою сравнительно скромныя намѣренія законодателя. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ вовсе, напримеръ, не задавался никакимъ планомъ той всеобщей перетасовки недвижимой собственности, которая оказалась на самомъ дѣлѣ, и которая, съ одной стороны, словно мотыль, дробить и измельчаетъ съ тѣхъ поръ и понинѣ крупную недвижимую собственность, а съ другой, неудержимо передвигаетъ земли изъ рукъ помѣщиковъ въ руки капиталистовъ. Нѣтъ также сомнѣній, что, предпринимая сооруженіе Фти желѣзныхъ дорогъ, законодатель руководился соображеніями стратегическими и торговыми, но вовсе не думалъ о перестройкѣ общества, о реорганизациіи его классовъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, железнодорожная горячка несомнѣнно выдвигала несуществовавшую до тѣхъ поръ у насъ буржуазію и противопоставляла её существовавшей до тѣхъ поръ аристократіи, которой никто и не думалъ подрывать и подкапывать. Всѣ эти и подобныя имъ послѣдствія государственныхъ движеній гораздо ощутительнѣе всегда на мѣстахъ. Глядя изъ центра, судя по однимъ извѣстіямъ, ихъ можно и просматривать, на мѣстахъ же онѣ дѣйствуютъ со всею рѣзкостью животрепещущаго факта, бьющаго въ глаза, и дающаго себя чувствовать подъ часъ жутко и больно, такъ, что не замѣтить его нельзя, и нѣтъ надобности въ наведеніи справокъ о немъ. Вотъ причина, почему провинціальное зрѣніе предрасположено увлекаться не столько официальной стороной общей жизни и дѣятельности, сколько неофициальной. Вотъ почему оно гораздо больше, чѣмъ центральное, способно поощряться наблюденіемъ и изученіемъ не господствующей церкви, а раскола, не дѣйствующаго права, а обычнаго, не письменной литературы, а устной, не верхнихъ слоевъ населенія, а нижнихъ, не жизни бюрократіи, а жизни земщины, не господствующаго племени, а инородческихъ, не вопросовъ суда, а вопросовъ наказанія и проч., и проч. т. п.

А потому, вовсе не думая ни разбираться, ни даже ставить вопросъ о томъ, что изъ двухъ важнѣе, государство или общество, мы думаемъ только, что для насъ самихъ онъ долженъ разбираться въ сторону общества. Съ этой дополнительной и, прямо признаемъ, односторонней позиціи изданія, мы весьма важны и насъ интересуютъ гораздо болѣе перемены общественныя, чѣмъ законодательныя и государственныя. Законодательная перемена хороша только тогда, когда она слѣдуетъ за совершившеюся общественною. Въ противномъ случаѣ она безплодна и несостоятельна. Еще съ 1865 года существуетъ у насъ, напримеръ, законъ объ извѣстной свободѣ печати съ гарантіями суда и закона. Но послѣдующими такими же законодательными переменами онъ мало по малу измѣненъ такъ, что въ настоящую минуту отъ него остается одна перемена предварительной цензуры на послѣдовательную. И такъ законъ былъ, какъ оказывается, преждевременнымъ; законодательная перемена предупредила общественную въ умахъ и вѣравахъ, а потому и осталась мертвою буквою. Наоборотъ, когда вмѣстѣ на лицо эта перемена общественная, тогда она нѣрѣдко продолжаетъ дѣйствовать и помимо облаченія или необлаченія ея въ формы

закона. Законъ о возвышеніи буржуазіи въ уровень съ аристократіей никогда у насъ не выходило; не издавалось также никакого распоряженія о соответственномъ переименіи собственности; по фактъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы подобныя законы не только существовали, но даже не могли быть взяты назадъ. Словомъ, изученіе и критика самаго общества, изученіе переимѣнъ и движеній общественныхъ, составляетъ, для всякаго органа провинціи, *conditio sine qua non*.

С.

ВѢСТИ СЪ ВОСТОКА.

Парламентъ, какъ извѣстно, уничтожилъ въ Индіи ввозную пошлину на бумажныя ткани. Майоръ Бернгардъ, индійскій министръ финансовъ, заявилъ недавно въ совѣтъ вице-короля, что нѣтъ никакихъ основаній отказывать Индіи въ благахъ свободной торговли. Въ Индіи на это мѣропріятіе многие весьма сильно стѣнуютъ. Пошлина была уничтожена, какъ протекціонная; исторія этой покровительственной пошлины не лишена интереса и поучительности.

Было время, когда только въ одной Индіи изготовлялись бумажныя ткани; о нихъ упоминается въ самой ранней періодъ индійской исторіи. Уже въ писаняхъ Ведъ прославляются ткани и ткацкое искусство. Греки, побывавшіе въ Индіи вмѣстѣ съ македонскимъ завоевателемъ, не безъ нѣкотораго изумленія повѣдали міру, что индіицы одѣваются въ ткани изъ шерсти, растущей на деревьяхъ. Множество извѣстій и анекдотовъ свѣдѣствуютъ о томъ, до какого совершенства была доведена эта отрасль индустріи въ Индіи. Рассказываютъ, что разъ Великій Аурангзебъ стыдился свою дочь за ея нескромность; онъ упрекалъ ее за то, что она носитъ слишкомъ прозрачныя платья и какъ-бы выставлятъ на показъ свою кожу; застыдившаяся дѣвушка отвѣчала, что на ней семь паръ покрововъ. Бенгальскіе муслины были извѣстны по всей Европѣ и дорого цѣнились. Въ Даккѣ изготовлялась особая ткань, подъ названіемъ: «вечерняя роса»; разостланная по травѣ, она ничѣмъ не отличалась отъ росы; и то это еще не была высшей сортъ. Болѣе тонкіе сорта носили поэтическія наименованія: «текучія воды», «сотканный воздухъ». Въ другихъ мѣстахъ Индіи, кромѣ Дакки, также изготовлялись муслины. Въ Даккѣ, вслѣдствіе климатическихъ условій сырости и благодаря особому искусству жителей, ткацкое искусство получило особое развитіе.

Муслины и каліко, сотканныя искусными руками индіицевъ, по своей добротѣ, легкости и красотѣ были гораздо выше тканей машиннаго производства; но ручная работа кропотлива и дорога, а потому, весьма естественно, домашняя индустрія индіица не могла бороться съ паровой силою.

Когда индіицкія бумажныя и шелковыя ткани продавались съ выгодою на англійскомъ рынкѣ, на 50—60%о дешевле туземныхъ, тогда англичане находили необходимымъ защищать свои производства покровительственною пошлиною, въ размѣрѣ отъ 10 до 80%о стоимости ввознаго товара. Благодаря этой запретительной пошлинѣ, манчестерскія прядильни не погибли въ своемъ младенцествѣ; не будь ея, быть можетъ и паровая сила не вызвала бы ихъ въ жизнь. Манчестерскія прядильни зажили и стали процвѣтать въ то время, когда въ Индіи стала исчезать одна изъ древнѣйшихъ мѣстныхъ индустрій. Англія поступила въ отношеніи Индіи точно также, какъ она дѣйствовала въ Ирландіи по вопросу объ ирландскихъ шерстяныхъ произведеніяхъ; тѣхъ же коммерче-

скихъ принциповъ она держалась въ Шотландіи и въ Америкѣ. Смыслъ этой колониальной политики весьма простъ: торговые интересы колоній должны быть вполнѣ почитены таковыми же интересамъ метрополіи. Запретительныхъ мѣръ противъ англійскихъ товаровъ Индія, конечно, не могла вводить въ себя дома, и не могла также ввозить своихъ товаровъ въ Англію, а между тѣмъ, англійскія мануфактурныя произведенія назывались ей и наконецъ, во имя общечеловѣческихъ благъ и научныхъ принциповъ, быть нанесенъ смертельный ударъ древнѣйшей и одной изъ лучшихъ индустрій страны.

Индія стала однимъ изъ пріоритетнѣйшихъ рынковъ для англійскихъ бумажныхъ товаровъ; англійскія мануфактуры зацѣпили. Но наконецъ овладѣла помислами преуспѣвавшихъ производителей; въ Индію стали доставляться товары самаго дурнаго качества, гнилые и лишние, и вслѣдъ за тѣмъ возникъ спросъ на товары мѣстной производствы. Нѣсколько предпримчивыхъ индійцевъ выписали машины изъ Англіи, и начиная съ 1863 г., въ Индіи стали возникать свои прядильни; мѣстная мануфактура развивалась очень быстро; произведенія невысокаго цѣны вытѣснили совершенно англійскіе товары. Индія выиграла двойнѣ: она избавилась отъ расходовъ по перевозкѣ своего сырья въ Англію и перестала платить за продуктъ своей страны въ мануфактурномъ видѣ. Серьезная опасность стала грозить англійскимъ мануфактурамъ. Производители, которымъ уже чудилось полное разореніе, подняли громкій крикъ и, само собою разумется, были вынуждены научный принципъ свободной торговли. Покровительственная пошлина должна была уничтожиться; интересъ Англіи этого требовалъ, и англійскій парламентъ не задумался передъ этимъ мѣропріятіемъ. Уничтожена пошлина, научившая индійцевъ прядеть и ткать машинами. способствовавшая обогащенію страны. Туземцы, само собою разумется, были противъ этого мѣропріятія; они говорятъ: «зачѣмъ же въ Англіи держалась протекціонная пошлина до тѣхъ поръ, пока она была выгодна Манчестеру? Развѣ не покровительственная пошлина способствовала развитію прядильни въ Англіи? а насъ, кромѣ того, уничтоженная пошлина избавляла отъ многихъ, ненавистныхъ намъ налоговъ».

Англія, прилагая такимъ образомъ къ Индіи научные принципы свободной торговли, сохранила, однакожъ, у себя дома тяжелыя пошлины на чай и кофе, т.-е. на одинъ изъ важнѣйшихъ произведеній Индіи и не задумалась обложить такими же пошлинами, въ угоду немногимъ домашнимъ производителямъ, серебряныя, высоко-художественныя издѣлія Камшира, Лакуа, Кача.

— Битвайскія газеты сообщаютъ, что почти всѣ подлинные деньги на Ниппонскую желѣзно-дорожную компанію уже собраны, и въ скорѣе будетъ начата постройка линій между Токио и Такасаки.

— North-China Herald сообщаетъ, что на Сахалинѣ прошлой весной свирѣпствовалъ страшный тифъ, унесшій около тысячи дѣтей. Въ послѣднее же лѣто повлилась другая эпидемія, состоящая въ зараженіи крови и воспаленіи языка, отчего госпитали снова были полны. Доктора приписываютъ происхожденіе этой болѣзни недостатку растительнаго пищи.

— Nichi-Nichi Shinbun передаетъ слухъ о проектѣ учрежденія общества для усовершенствованія зоологическихъ и ботаническихъ наукъ, къ которому должны присоединиться профессора Токийскаго университета.

— Та же газета говоритъ, что въ Киото очень много людей радикальныхъ взглядовъ и выражаетъ опасеніе, чтобы они не сорвали остальное населеніе. Высшіе сановники очень встревожены

тѣмъ, что такъ распространяетъ между населеніемъ оппозиціонный духъ противъ настоящей системы управленія и что отовсюду слышатся заявленія недовольства. Они измысливаютъ лучший планъ для всеобщаго успокоенія и высказываютъ, что не пожелали бы никакой суммы для усмиренія «безобойаго народа».

— «Новое Время» передаетъ, между прочимъ, что переселеніе въ Америку усиливается въ ужасающемъ размѣрѣ, 18 (30) апрѣля 5,000 чел. высадился въ нью-йоркской пристани Касель-Гарденъ, на слѣдующій день еще 4,100. Всѣ получили занятія, и отовсюду слышатся сильно требованіе на рабочія руки на фермахъ и на домашнюю прислугу. Ирландскія дѣвушки безъ рекомендаціи занимаютъ мѣста отъ 10 до 16 долларовъ въ мѣсяцъ. Ремесленники въ большомъ спросѣ.

— Изъ Вашингтона отъ 24-го апрѣля получена Междунар. Телегр. Агентствомъ слѣдующая телеграмма: «Мельвилъ, инженеръ съ «Жанеты», депешою на имя морскаго министра, отъ 24-го марта, съ утѣшею Лены извѣщаетъ, что онъ нашелъ трупы капитана Делонга и его товарищей. Мельвилъ, однако, продолжаетъ поискъ, надѣясь найти лейтенанта Чина и другихъ пассажировъ второй «Шлюпки».

— Въ «Правительственный Вѣстникъ» пишутъ съ границы Сепмипалатинской области: По свидѣніямъ изъ Шихо, китайцы начинаютъ уже готовиться съ первою весною идти въ Кульджу. Одинъ изъ комиссаровъ уже отправился туда съ конвоемъ 250 человекъ, а 15-го февраля предположали двинуться и другіе китайцы; затѣмъ ожидается съ большимъ войскомъ другой комиссаръ, назначенный изъ Пекина.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ СООБЩЕНІЯ.

Генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, генералъ-лейтенантомъ Агучинымъ, получены телеграммы отъ военнаго губернатора города Иркутска, слѣдующаго содержанія:

Отъ 23-го апрѣля. «Якутскій губернаторъ отъ 25-го марта сообщаетъ, что 21-го февраля прибылъ изъ Нижне-Колымска и Средне-Колымска американецъ Гильдеръ и корреспондентъ газеты «Нью-Йорк Геральдъ», находившійся на «Роджерсѣ», увлеченномъ всмхнувшимъ отъ неосторожности пожаромъ около мыса Сердце-Камени. Весь экипажъ спасенъ; прожарили утучей, въ провиніи не нуждаются. Гильдеръ отправленъ лейтенантомъ Берри отыскать пунктъ, откуда можно послать въ Америку депешу о высылкѣ судна за экипажемъ «Роджерса»; въ Нижне-Колымскъ прибылъ на собственныхъ собакахъ, съ нанятымъ въ Петропавловскѣ крестьяниномъ Татарнинымъ, который возвратился въ Берри на хлѣбъ же. Въ концѣ февраля въ Нижне-Колымскъ долженъ прибыть лейтенантъ Гонтъ, посланный Берри для закупки табаку, ножей и ситцу, для обмѣна съ чукчамъ на оленей, которыхъ за деньги не уступаютъ. Колымскій исправникъ лично отправился въ Нижне-Колымскъ для оказанія содѣйствія Гонту. Гильдеръ направился изъ Верхоянска на устье Лены къ Мельвилю, находящемуся нынѣ на Жиганскомъ утѣсѣ, Верхоянскаго округа. Колымскому исправнику предложено принять дѣйствительныхъ мѣръ чрезъ чукотскіе старинныя для оказанія содѣйствія экипажу «Роджерса».

Отъ 24-го апрѣля. «Якутскій губернаторъ эстафетой сообщаетъ: «Изъ письма Мельвила изъ Ленскаго архидіакона, отъ 12-го марта, видно, что Мельвилемъ найдены трупы: Делонга, доктора Эмблера и матроса Самса. Въ памятной книжкѣ, найденной у Делонга, значится, что до 18-го октября умерли: Иверсонъ, Дреслеръ, Вонтъ и Гротъ, а Колменъ умираетъ. Мельвилъ съ экспедиціею здоровъ; продолжаютъ розыски остальныхъ, бывшихъ съ Делонгомъ, и лейтенанта Чина съ матросами».

Телеграмма російскаго Императорскаго комиссара въ Кульдждѣ, статскаго совѣтника Шинмарва, отъ 21-го апрѣля 1882 года:

«Съ прибытіемъ сюда Дзянь-Дзюнь-Динца съ всею главнѣйшимъ инаикимъ управленіемъ войсками, и со вступленіемъ въ управленіе—власть китайская въ Ийфокскомъ Краѣ окончательно восстановлена, при полномъ спокойствіи. Консулство поставлено въ отношенія удовлетворительныя; остается лишь разрѣшить на этихъ же дняхъ переговоры съ Дзянь-Дзюньемъ нѣкоторые вопросы».

— Телеграмма исправляющаго должность туркестанскаго генерал-губернатора, генер.-лейт. Колпаковского, отъ 21-го апрѣля 1882 г.

«Военный губернаторъ Самаркандской Области, осматривая лично переселившихся изъ Кулдыжи, доносить, что они устроены хорошо, большинство произвело уже нрѣдкіе посѣвы; въ недѣлю проведено восемь верстъ магистрального оросительнаго канала, еще десять верстъ—и необходимѣйшіе посѣвы обезпечены; въ настоящее время выселившихся насчитывается до пяти тысячъ дворовъ; движеніе продолжается въ значительныхъ размѣрахъ».

— Движеніе по государственной службѣ: Произведенъ: состоящій по сибирскому казначею войску генералъ-майоръ Казачинскій (Мухомилъ)—въ генералъ-лейтенанты, съ увольненіемъ, за болѣзнь, отъ службы, съ мундиромъ и съ пенсіею полного ордена.

МОНГОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О монгольской исторической литературѣ по памятникамъ, хранящимся въ Императорскомъ Сиб. Университетѣ.

Докладъ въ Филологическомъ Общ. при Сиб. Унив. 16 апр. 1882 г.

Предпожизнъ сообщитъ о монгольской исторической литературѣ по памятникамъ, хранящимся въ библиотекѣ Сиб. университета, я долженъ прежде всего предупредить свою рѣчь замѣчаніемъ, что говорить о монгольской исторической литературѣ по рукописямъ, имѣющимся въ нашемъ университетѣ, значитъ говорить обо всей известной намъ исторической литературѣ монголовъ; потому что ни одно изъ книгохранилищъ не только въ Россіи, но и во всей Западной Европѣ, не имѣетъ у себя такого количества этихъ памятниковъ, какимъ обладаетъ петербургскій университетъ. Правда, многіе изъ музеевъ и библиотекъ западной Европы хранятъ у себя драгоцѣнные документы, относящіеся до исторіи монголовъ, таковы письма монгольскихъ хановъ, ихъ грамоты, ярмыки и проч., но понятно, что всѣ эти остатки старинны могутъ содѣйствовать къ усвоенію только отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, полныхъ же историческихъ сочиненій, или лѣтописей монголовъ не только нѣтъ въ Европѣ, но, основываясь на сочиненіяхъ европейскихъ ориенталистовъ, по крайней мѣрѣ до сей минуты, можно утверждать, что имъ ничего неизвѣстно по этой части, кромѣ двухъ, изданныхъ у насъ же въ Россіи монгольскихъ лѣтописей—Сананъ-Сузана и Атаганъ-тобчи. Первое изъ этихъ сочиненій было обращено академикомъ Шиндтомъ и еще въ 1829 году начато было имъ въ текстѣ и переводѣ подъ заглавіемъ «Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses», и второе помѣщено во второмъ томѣ трудовъ Восточнаго отд. археологическаго общества въ изданіи замы Галсана Гомбеа. Вотъ два памятника монгольской исторической литературы, которые были извѣстны намъ до сего времени и по которымъ составилось какъ у насъ, такъ и въ Европѣ, весьма невыгодное понятіе объ исторической литературѣ монголовъ вообще. Понятіе это составилось конечно не безосновательно. Въ самомъ дѣлѣ, просматривая объ поминутую лѣтопись, ученые не только не находили въ нихъ объясненія всемірно-историческихъ событій монгольской эпохи, но даже простаго перечня исторіи самихъ монголовъ. «Прочитавши эти творенія степныхъ авторовъ, говорилъ покойный Савельевъ, можно и не догадаться, что народъ, о которомъ они ведутъ рѣчь, завоевалъ полсѣвта, привелъ въ ужасъ Европу и основалъ династіи, прославившія имя монголовъ. Прочитанные духомъ буддйскаго аскетизма, не только безвѣстный ав-

торъ Атаганъ-тобчи, но даже и Сананъ-Сузунъ, бывшій ханомъ одного изъ монгольскихъ поколѣній въ Ордоѣ и съдобовательно человѣкомъ свѣтскимъ, совершенно не обращаютъ вниманія на военные подвиги своихъ предковъ въ западныхъ странахъ; по ихъ лѣтописямъ, монголы какъ будто никогда и не выходили изъ родныхъ стѣнъ, никогда не вступали въ связь съ посторонними имъ народами. Какъ о колыбели своей рѣднціи, лѣтописи эти упоминаютъ объ Ичѣн и Тибетѣ, да извѣстны имъ пожалуй еще собствѣнный съ Монголіею Китай; но о послѣднемъ оныя-таки закупаются въ нихъ извѣстій ничуть не больше, какъ господское изложеніе фактовъ, что монгольскій Хубилай-ханъ съѣзъ на китайскій престолъ, а Тоганъ Тэмуръ былъ изгнанъ изъ Китая. Все вниманіе этихъ лѣтописцевъ такимъ образомъ поглощено изложеніемъ внутренней жизни монголовъ; но и съ этой стороны они оныя-таки своеобразны: они занимаются здѣсь только изложеніемъ благочестивыхъ подвѣговъ монгольскихъ хановъ на поприщѣ искорененія грѣха и усмеренія злыхъ существъ; упоминаютъ они и ведутъ подъ часть подробные разсказы о междоусобныхъ войнахъ монгольскихъ племенъ; но даже и эти послѣдніе разсказы лишены всякаго историческаго значенія, потому что ничего не находится въ нихъ, кромѣ легендарныхъ сказаній о разныхъ чудесахъ, да превращеніяхъ полководцевъ, то въ льва, то въ дракона, съ цѣлью напугать своихъ враговъ».

Таково содержаніе бывшихъ намъ извѣстными до сего времени монгольскихъ лѣтописей. Это сборники легендъ, которые могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для изученія вѣрованій и суевѣрій народа, но которые не даютъ намъ почти ничего для познанія дѣйствительной жизни монголовъ. Собразно этому своему характеру—сборниковъ легендарныхъ сказаній, поминутыя монгольскія лѣтописи представляютъ въ своемъ текстѣ множество отдѣльныхъ народныхъ эпическихъ разсказовъ, изложенныхъ притомъ въ стихотворной формѣ. Особенность эта не была замѣчена Шиндтомъ, издателемъ лѣтописи Сананъ-Сузана и стихотворную рѣчь монгольскихъ лѣтописей впервые открылъ намъ Габеленцъ, возвѣстивъ объ этомъ въ своей статьѣ «Einiges über mongolische Poësie», помѣщенной имъ въ журналѣ «Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes». Исслѣдованія Габеленца по этой части впрочемъ также неполны и если къ тексту монгольскихъ лѣтописей приложить всѣ замѣченные мною законы монгольскаго стихосложенія (1), то окажется, что въ монгольскихъ лѣтописяхъ почти каждый герой говоритъ непрерывно стихами. Такимъ образомъ для насъ дѣлается несомнѣннымъ фактъ, что *монголы смотрятъ на творенія своего народа глазами русскихъ, давно уже норманинскихъ что стннн—бытъ*; оттого и монгольскіе лѣтописцы пользовались исленіями и легендами какъ достовернымъ и не подлежащимъ никакому сомнѣнію матеріаломъ для бытописанія. Что касается въ частности лѣтописей Сананъ-Сузана и Атаганъ-тобчи, то они даже утверждали этуъ влзидѣ, и въ текстѣ ихъ дѣйствительно почти ничего и не находится, кромѣ легендъ, да исленъ. Вотъ почему, и пожалуй весьма основательно, вслѣдъ за пополненіемъ въ свѣтъ шиндтовскаго изданія Сананъ-Сузана, Клапротъ, не придавая никакаго историческаго значенія оному сочиненію, назвалъ его «буддйскими бреднями праздныхъ монголовъ»; а когда потомъ было обнаружено «Атаганъ-тобчи», то въ европейскомъ ученюмъ мѣрѣ составилось общее понятіе, будто монгольскія лѣтописи вообще такъ безсодержательны для исторіи, что изъ нихъ ничего другаго почти нельзя и замѣтывать, кромѣ собственныхъ именъ. Въ послѣдній

*) Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ. Вып. I.

разъ подобнаго рода приговоръ надъ монгольскою историографіею произнесъ, сколько помнится, лѣтъ двадцать тому назадъ нашимъ проф. Васильевымъ. «Болѣе близкое знакомство съ монгольскимъ образованіемъ, говоритъ онъ, скоро должно разочаровать великаго въ надеждахъ, что вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ Саянъ-Сузана и Алтанъ-точи послѣдуетъ рядъ новыхъ и еще болѣе интересныхъ открытій. Дождитесь отъ монгольскихъ историческихъ матеріаловъ, значитъ вовсе не знать исторіи и духа страны; и въ настоящее время будизмъ уже до такой степени овладѣлъ монголами, что они за грѣхъ даже почитаютъ вспоминать о временахъ браерей Чингисхановыхъ *)». Мы никогда не получаемъ, конечно, возражать нашему уважаемому наставнику противъ того, что будизмъ дѣйствительно заѣлъ монголовъ и своимъ чудовищнымъ развитіемъ убиваетъ ихъ нравственное и физическое существованіе; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы отъ монголовъ мы вовсе не могли ожидать *никакихъ* историческихъ сказаній и чтобы въ средѣ ихъ, въ каждое данное время, не находилось хотя бы то дѣсколько отдѣльных, *единичныхъ* личностей, интересующихся дѣйствительными событіями жизни своей страны и признающихъ пользу отъ разслѣненія и знанія этихъ событий; если же есть у нихъ такіе люди, то несомнѣнно должна быть у нихъ и исторія. Такъ думая и всегда, и мое заключеніе не обмануло меня. Въ періодъ пребыванія моего въ степяхъ монгольскихъ лѣтописей, излагающихъ исторію всей страны и до 25 историческихъ рукописей, заключающихъ въ себѣ то историческія свѣдѣнія объ отдѣльныхъ городахъ, мѣстностяхъ, монастыряхъ, то біографіи разныхъ монгольскихъ князей, жизнеописанія хутухтъ, или духовныхъ владыкъ монголовъ, замѣчательныхъ ламъ, или монаховъ и проч., и нужно сказать, что характеръ этихъ произведеній почти диаметрально противоположенъ тому взгляду, который существуетъ у насъ на историческія произведенія монголовъ. Конечно, такіе сочиненія, какъ жизнеописанія хутухтъ, или святаго архимастера буддической церкви въ Монголіи, должны подвергаться строгому критикому для того, чтобы составить на основаніи ихъ настоящую исторію, — чудеса въ нихъ разсказываются пожелай ничуть не меньше, чѣмъ Саянъ-Сузана разсказывается о Чингисханѣ; но вѣдь это общая слабость монаховъ, когда они говорятъ о жизни святыхъ своей церкви и, притомъ, это вѣдь одинъ только родъ историческихъ сочиненій, между тѣмъ, какъ остается еще много другихъ, которымъ мы можемъ добраться почти безусловно.

Посмотримъ теперь, что же содержатъ въ себѣ эти лѣтописи и насколько справедливы оказываются нашъ прежній взглядъ на монгольскую историографію? Кларотъ и Савельевъ, какъ мы уже видѣли, а впоследствии вслѣдъ за ними и Ханьковъ, говоря о монгольскихъ лѣтописяхъ, ставили имъ въ упрекъ ихъ малоодержательность вообще, находѣ ее прежде всего въ томъ, что эти лѣтописи не сообщаютъ намъ никакихъ свѣдѣній о дѣяніяхъ монголовъ на западѣ; въ отношеніи же къ извѣстіямъ о внутренней жизни монголовъ они порицали, что монгольскія лѣтописи не заслуживаютъ никакого довѣрія, ибо тѣ несамостоятельныя повѣствованія о фактахъ изъ жизни монголовъ, которая онѣ содержатъ въ себѣ, извращены въ нихъ подъ вліяніемъ буддійскаго духа ихъ разсказчиковъ **). Эти мнѣнія, выраженныя сначала по поводу двухъ только монгольскихъ лѣтописей, возведены были потомъ въ понятіе о монгольскихъ лѣтописяхъ вообще. Но вотъ с.-петербургскія универ-

ситетъ обладаетъ теперь вѣроятно древнѣею изъ монгольскихъ лѣтописей, — извѣстною подъ китайскимъ заглавіемъ «Юань-чао-ми-ши», которая поистинѣ представляетъ собою документъ самой высокой важности, какъ въ историческомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи. Самый текстъ ее гласитъ, что она составлена въ 1240 году, т. е. написаніе ее относится къ тому времени, когда монголы не имѣли у себя еще и собственнаго алфавита и слѣдовательно могли писать только или уйгурскимъ письмомъ, или китайскимъ. Юань-чао-ми-ши является написаннымъ этимъ послѣднимъ способомъ: китайскіе іероглифы приняты въ немъ какъ тоныческіе знаки для выраженія отдѣльныхъ слоговъ, и такимъ образомъ или изображается монгольская рѣчь. Это первый образецъ монгольскаго письма китайскими іероглифами. Мы знаемъ, что монголы писали алфавитомъ уйгурскимъ, тибетскимъ, впоследствии прибавили этотъ послѣдній въ особый родъ своего «квдратнаго» письма, но какимъ образомъ монгольскаго рѣчи выразились китайскими іероглифами, этого мы никогда еще не видали, хотя на фактъ этотъ и находимъ короткія и голословныя указанія въ изслѣдованіяхъ Абель-Ремюза ***). Понятно теперь, какую важность имѣетъ этотъ памятникъ въ литературномъ отношеніи. Я не буду здѣсь распространяться объ его громадномъ значеніи для филологіи и перейду прямо къ его содержанію. Содержаніе Юань-чао-ми-ши въ настоящее время до нѣкоторой степени уже извѣстно европейскому міру въ переводѣ этого сочиненія съ китайскаго на русскій языкъ, изданномъ въ 1866 г. бывшимъ настоятелемъ нашей духовной миссіи въ Пекинѣ, о. Палладіемъ. Необходимо, однако, замѣтить, что китайскій текстъ этого сочиненія, съ котораго составлялъ свой переводъ о. Палладій, въ свою очередь былъ переводомъ съ разсматриваемаго нами текста монгольскаго и притомъ переводомъ, страдающимъ многочисленными ошибками и еще большими пропусками. Такимъ образомъ монгольскій оригиналъ Юань-чао-ми-ши не только не утратилъ въ насъ своей важности съ переводомъ китайцевъ и о. Палладія, но пріобрѣтаетъ при этомъ еще большее значеніе. Время, которое разсматриваетъ эта лѣтопись, есть періодъ Чингиса и его пернаго преемника, Угэда. Оба эти великіе монгольскіе завоеватели опустошили на своемъ вѣку столько различныхъ странъ, что для нихъ итъ, и не можетъ быть недостатка въ исторіяхъ. Историки китайскіе, мусульманскіе, арабскіе, говорятъ о нихъ съ большою подробностію и своими разсказами пополняютъ одинъ другаго; но всѣ эти свѣдѣнія и разсказчики нашествій Чингиса ничего почти не знаютъ про его молодость. Это-то недостатокъ и восполняетъ прежде всего Юань-чао-ми-ши своимъ обиліемъ извѣстій, относящихся къ исторіи Чингисъ-хана въ самой Монголіи. Въ разсказахъ его итъ ничего чудеснаго; итъ и іоты подобія тѣмъ фантастичнымъ буддическимъ легендамъ о Чингисѣ, которыя мы находимъ въ произведеніи Саянъ-Сузана, или у автора Алтанъ-точи. Для составителя Юань-чао одна только котелая и наступелкая жизнь составляетъ всю предель: и если онъ упоминаетъ о высокихъ подвигахъ Чингиса въ роиныхъ его пастбищахъ, то это, повидному, только для того, чтобы показать, насколько остался онъ вѣрнѣ привычкамъ своей молодости, а не для того, чтобы прибавить ему славы: — въ глазахъ автора, эта слава достигла своего апогея въ тотъ день, когда побѣдилъ всѣ монгольскія племена, Чингисъ поставилъ переть своей палаткой знамя, украшенное девятью бѣлыми лошадиными хвостами. Остатки жизни этого великаго завоевателя, въ глазахъ его историка, не имѣли ничего, чтобы прибавить къ его

*) «Русскій Вѣстникъ» 1851 г. Записки о восточныхъ китахъ, прое. Васильева.

**) Journal Asiatique, T. XIII, p. 71.

*) Abel-Rémusat.—Recherches sur les langues tartares.

славъ, равно какъ и ханствоане Угэдэй стоять, по его понятіямъ, далеко ниже Чингисова. За всѣмъ тѣмъ, авторъ Юань-чао разсказываетъ, и даже съ нѣкоторыми подробностями, о походахъ монголовъ на Китай, Манчжурію и Корею; въ западныхъ странахъ: на Мервъ, на Индію, въ мѣста по Сыру и Аму-Дарьѣ, на города: Ургюнчонъ, Отраръ, Багдадъ, на кичаковъ, русскіхъ, мадыровъ, болгаръ, черкесовъ и пр. Такимъ образомъ, съ открытіемъ Юань-чао, самъ собою падаетъ нашъ взглядъ, что монгольскія лѣтописи ничего не знаютъ о походахъ монголовъ на западъ, а изложеніе этого лѣтописнаго сказанія свидѣтельствуетъ намъ также точно и о томъ, что не всѣ историческія твояренія монголовъ проникнуты тѣмъ ультра-буддйскимъ духомъ ихъ авторовъ, съ которымъ встрѣчаемся мы въ лѣтописяхъ Сананъ-Саузана и Аттанъ-тобчи.

Намъ могутъ конечно возразить, что это исключительный и пошлый, такой же единичный примѣръ, какъ и самая эта лѣтопись, что невозможно опровергать буддйскаго направленія исторической литературы монголовъ тѣми монгольскими произведеніями, которыми появились еще до времени знакомства монголовъ съ буддизмомъ и что современные монголы-можеетъ быть забыли и совершенно не помнятъ о дѣяніяхъ своихъ предковъ на западъ, также точно, какъ забыли и не могутъ они читать теперь и самаго текста Юань-чао-ми-ши, написаннаго китайскими иероглифами. Въ отвѣтъ на это возраженіе мы можемъ представить другую монгольскую лѣтопись, известную подъ именемъ «Эрдэнийъ-эрихъ» и имѣющуюся въ библиотекѣ нашего университета въ двухъ изданіяхъ. Оба эти изданія раздѣляются на 47 главъ, изъ которыхъ начальныя 40 разсматриваютъ исторію Чингиса и его потомковъ, влѣдѣвшихъ какъ собственно Монголію, такъ и въ различныхъ областяхъ и государствахъ къ востоку, западу, сѣверу и югу отъ этой страны. Изложеніе событій здѣсь конечно не такъ полно, какъ находимъ мы ихъ описанными, напр., у мусульманскихъ историковъ; о многихъ странахъ существуетъ даже одно только упоминаніе; но нельзя забывать при этомъ того, что мусульманскіе писатели излагаютъ специально исторію своей страны, монгольскій же компиляторъ специально хроникю не одного народа и не одной династїи, а всѣхъ, которые были ему извѣстны, и которые почиталъ они важнѣйшими. Но особенный интересъ Эрдэнийъ-эрихъ представляетъ намъ своими послѣдними семью главами, въ которыхъ излагается она исторію Халхи съ 1635 года, почти до нашихъ дней, то-есть по 1849 годъ включительно. Это тотъ періодъ, когда въ судьбѣ монголовъ произошелъ совершенный переворотъ, когда съ особенною силою развился у нихъ буддизмъ и когда сами они изъ господъ прератились въ жалкихъ рабовъ, потерявъ свою политическую независимость и подпавши подъ власть манчжуро-китайцевъ. Собственно говоря, за все это время вся жизнь монголовъ группируется около и служитъ разъясненіемъ этихъ двухъ колоссальныхъ событій; но они такъ измѣнили характеръ монголовъ, что въ настоящее время мы не можемъ и узнавать въ этихъ членкахъ тѣхъ наивныхъ нонадговъ, которыхъ рисуетъ намъ Юань-чао-ми-ши и тѣхъ свирѣпыхъ соратниковъ войскъ Чингисъ-хановыхъ, съ которыми знакомимся мы въ сказаніяхъ мусульманскихъ писателей. Какимъ образомъ совершилась эта перемена?—вотъ вопросъ, на который пожелательно не могли отвѣчать мы, потому что не имѣли у себя никакого общаго представленія о внутренней жизни монголовъ именно за этотъ періодъ отъ 1635 г., которымъ оканчиваются лѣтописи Сананъ-Саузана и Аттанъ-тобчи. Правда, изъ китайскихъ источниковъ мы имѣли понятіе о войнахъ Галдана и Амурсана, читали

отрывочныя сказанія о жизни монголовъ въ дневникахъ нашихъ путешественниковъ; но что могли дать эти частности для яснаго представленія цѣлой исторіи народа? Почти ровно ничего, и монголы дѣйствительно за послѣднія 250 лѣтъ представляли для насъ почти положительную terra incognita. Эрдэнийъ-эрихъ блестящимъ образомъ восполняетъ этотъ недостатокъ. Лѣтописецъ ведетъ свой разсказъ изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и иногда изъ дня въ день: онъ какъ будто сидитъ въ какомъ-то государственномъ архивѣ и излагаетъ передъ нами перечень и обстоятельство событій по официальнымъ докладамъ, резолюціямъ, манифестамъ, вышедшая подлинный текстъ ихъ почти дословно; мало того, въ поясненіе такихъ описаній онъ представляетъ полную переписку официальныхъ и правительственныхъ лицъ Монголіи, и такимъ образомъ открываетъ намъ не только тѣ факты, которые дѣйствительно были, излагаетъ не только тѣ постановленія, которыя дѣйствительно состоялись, но и все то, что могло быть, всѣ тѣ частныя мнѣнія и предположенія, которыя существовали въ Халхѣ по извѣстному вопросу. Поинтезъ отсюда самый характеръ лѣтописи: это сборникъ официальныхъ и полуофициальныхъ документовъ для исторіи монголовъ, которые собираетъ, съ цѣлью представить полную исторію монголовъ, группируетъ въ хронологическомъ порядкѣ и иногда для большей удобности дѣла сопровождаетъ своими, весьма краткими, поясненіями, но въ большинствѣ случаевъ оставляетъ безъ всякихъ комментариевъ, ибо связь событій при полнотѣ сборника льдина сама собою. Нужно ли говорить при этомъ, что такого рода изданіемъ монголовъ, несмотря даже на разлитіе въ странѣ ихъ буддизма, также точно чуждо буддйское направленіе ихъ авторовъ, или лучше сказать компиляторовъ, какъ и древнему памятнику Юань-чао?

А. Позднѣевъ.

(Оканчаніе будетъ).

НЕ СИБИРСКАЯ И СИБИРСКАЯ ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ.

(Къ мѣстной хроникѣ).

Вопросъ такъ называемой сибирской желѣзной дороги, тянущейся много лѣтъ безъ всякихъ результатовъ, снова выступилъ на арену борьбы. Кончившись, повидимому, торжествомъ южнаго направленія, нижегородско-казанскаго, вопросъ этотъ еще разъ поднерся разбору, при разсмотрѣніи нуждъ сѣверныхъ окраинъ, причемъ воспользовались этимъ случаемъ, какъ сѣверяне, такъ и притяны, потянувъ тюменскую дорогу къ себѣ. Въ то же время появилось нѣсколько газетныхъ статей за то и за другое направленіе и воокресъ старій споръ славянъ между собою. Одинъ изъ сторонниковъ южнаго направленія, подъ именемъ «Сибиряка», помѣстивъ недавно письмо въ «Новомъ Времени», отсталая извѣстное направленіе отъ Артамовки черезъ Екатеринбургъ на Безовку, Казань и Нижній Новгородъ. («Нов. Врем.» № 2,171). Газета «Тюмень» не разъ также высказывалась за извѣстное южное направленіе. Но вотъ выступилъ совершенно новое направленіе, и желѣзнодорожная драма, длившаяся нѣсколько лѣтъ, открываетъ новый актъ борьбы и перипетій. Измѣніе вопроса явилось неосожиданностью для тѣхъ, кто успокоился на завоеванныхъ лаврахъ въ борьбѣ за прежнее направленіе. Газеты передаютъ объ этомъ такимъ образомъ: Въ послѣднемъ докладѣ министра путей сообщенія, внесенномъ въ комитетъ министровъ, извѣщеніе сибирской желѣзной дороги предполагается значительно измѣнить противъ прежняго проекта. Такъ, по сдѣланнымъ вновь изысканіямъ оказывается, будто бы, что вмѣсто Екатеринбургѣ выгоднѣе вести линію на Тюмень отъ Нижней Тамиа; это направленіе дороги представляеть много техническихъ и торговыхъ преимуществъ и при немъ длина линіи значительно уменьшится и дастъ сбереженія въ расходахъ при сооруженіи. Что же ка-

сается до Высочайше утвержденного в 1875 году проекта сибирской дороги от Нижнего-Новгорода на Казань, Елабугу, Екатеринбург и Тюмень, то министр путей сообщения ходатайствует о пересмотре этого проекта в виду того: 1) что эта линия должна пройти по таким мѣстам, которыя и безъ того богаты водными путями сообщения; 2) сооруженіе ея обоедѣе весьма дорого, такъ какъ путь отъ Нижнего-Новгорода до Казани идетъ по правому берегу Волги, возвышающемуся до 100 саж. надъ уровнемъ рѣки, гдѣ потребуются гигантскія земляныя работы и сооруженіе дорого стоящихъ мостовъ чрезъ Оку, Суру, Волгу, Каму и Казань. Възявъ этой линіи министръ предлагаетъ другую, при которой бы можно было воспользоваться уже встроеными чрезъ Волгу мостами на Оренбургской желѣзной дорогѣ, т.-е. начать сооруженіе сибирской дороги отъ одной изъ станцій оренбургской линіи и нести ее на Уфу и Омскъ съ вѣтвями на Златоустовскіе заводы и Цюрицк. Направленіе это, сверхъ сбереженія расходовъ сооруженія, принесетъ еще значительная экономическія выгоды переоборудовавъ этою линіею хлѣботоргива мѣстностямъ, нѣмъ не извѣданнымъ путей сообщенія. Такимъ образомъ, настоящее представленіе министра путей сообщенія рекомендуетъ уже третье направленіе сибирской дороги („Нов. Время“, 25 апрѣля).

Намъ кажется, что это не третье направленіе дороги, а чуть-ли не шестое. Предшествовавшія направленія въ послѣднее время составляли слѣдующимъ образомъ:

НАПРАВЛЕНІЯ:	Длина всего пути.	Длина по ваго пути.	Цена вер-сты.	Общая стоимость. Рублей.
1) Москва, Нижній, Казань, Екатеринбург по лѣвому берегу . . .	1.647,5	1.238	49.114	60.803,132
2) Москва, Нижній, Казань, Екатеринбург по правому берегу . . .	1.721,5	1.312	53.939	70.766.968
3) Москва, Старожилово, Алаиръ, Тетюши, Екатеринбург	1.690	1.581	46.300	73.200,300
4) Москва, Нижній, Казань, Уфа, Екатеринбург	1.739	1.330	48.886	65.018.380
5) Москва, Самара, Уфа, Златоустъ, Екатеринбург	1.875	870	42.085	36.613,950

Уже по поводу послѣдняго направленія нѣкоторыя газеты выразили свои сомнѣнія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Итъ никакого сомнѣнія, что, даже при самомъ благомъ взглядѣ на вышеприведенную таблицу, преимущество послѣдняго пути является очевиднымъ: сравнительная короткость линіи подлежащей постройкѣ (а отсюда и возможность скорого проведенія ея) и половинная стоимость ея сооруженія, сравнительно съ остальными линіями, сразу заставляють отдать преимущество, именно, этой линіи. Повято, что прежде, когда не было еще моста чрезъ Волгу, еще могъ существовать вопросъ о преимуществахъ того или другаго направленія,—но такое *важнѣе*, въ полномъ смыслѣ слова, явленіе, какъ постройка вѣснаго моста, совершенно измѣнило положеніе дѣла—и заставляетъ признать направленіе на Самару стоящимъ въ всякой конкурренціи съ другими направленіями.

Вотъ почему, насколько намъ извѣстно, и комиссія графа Баранова склоняется, именно, въ пользу послѣдняго, на сторонѣ котораго, можно сказать, всѣ преимущества“ („Новости и Биржевая Газета“, № 48).

Очевидно можетъ быть, что за новое выступившее направленіе явятся свои сторонники и дѣло опять затянется.

Не входя въ тонкости и закулисныя тайны, которыми объясняется нѣмъ измѣненіе направленій, мы, въ качествѣ органа мѣстнаго и восточнаго, позволимъ себѣ высказать свой взглядъ на дѣло. Полагаемъ, что это будетъ тѣмъ болѣе келати, что до сихъ поръ мнѣніе настоящихъ сибиряковъ еще не появилось, хотя ими сибиряка не разъ фигурировали псевдонимомъ въ столичной печати.

1) Прежде всего позволимъ замѣтить, что то, что принято называть сибирской желѣзной дорогой сѣвернаго и южнаго направленія. Это

дорога не сибирская, а нижегородско-казанская, вятско-верская или иная дорога, въ направленіи которой заинтересованы различныя губерніи Европейской Россіи болѣе, чѣмъ Сибирь, точно также, какъ компанія, концессионеры, прожектеры и кандидаты-строители этого направленія.

2) Сибиряки, высказываясь за южное или сѣверное направленіе, далеко не дѣйствовали самостоятельно по собственной инициативѣ, но всегда были аккумуляторами вѣжанимъ или сѣверянамъ въ свою пользу. Въ южномъ направленіи на Тюмень приставали тюменцы и въ сѣверному тобольяне, но это не все Сибирь. Агитация въ пользу этихъ направленій началась съ 60-хъ годовъ. Даже по уѣзднымъ городамъ собирались подины, адресъ составлялся на всѣхъ армячонныхъ комитетахъ Ирбита и Нижнего Новгорода; но это не было еще общетоварищеское мнѣніе Сибиря. Сколько намъ извѣстно, никакихъ разсмѣтровъ и сѣдокъ въ Сибирь по этому поводу не происходило. Сибирь не имѣла никакихъ представительствъ учреждений въ родѣ земствъ, гдѣ вопросъ этотъ могъ быть разработанъ съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ.

3) Сибирской желѣзной дорогой можетъ называться желѣзная дорога, идущая только чрезъ Сибирь, выступивъ въ томъ или другомъ пунктѣ чрезъ Уралъ.

Направленіе желѣзной дороги по Сибирь гораздо менѣе ообратило на себя вниманіе, было менѣе разработано, все вниманіе сосредоточивалось на интересахъ приволжскихъ губерній. Повято поэтому, что какъ только магистральную линію дороги пришлось перенести за Уралъ и вести по Сибирь, такъ прежняя точка зрѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ ранге проекториванія направленія рухнули. Здѣсь выразилась обыкновенная судьба централистскаго разрѣшенія вопроса, не принявшаго во вниманіе всей совокупности мѣстныхъ нуждъ.

4) Собственно желѣзная дорога по Сибирь представляеть три самостоятельныхъ направленія: 1) сѣверное съ Ирбита на Тобольскъ и далѣе на Тару и Томскъ; 2) сѣверне центральное, связывающее главный транзитный путь чрезъ Сибирь и водная сообщенія—дорога на Тюмень; 3) южное съ Екатеринбурга на Ишимъ, Омскъ или съ Оренбурга на Уфу, Курганъ и Омскъ. Есть проектъ также еще болѣе южнаго направленія на Акмолю, Иртышъ, сѣвернѣе Семипалатинска; сюда надо присоединить два важныхъ направленія въ Туркестанъ и въ Китай къ Пекину. Мы спросимъ только, разсматривалось ли съ этихъ точекъ зрѣнія нѣмъшеніе великороссійскаго направленія желѣзной дороги? Мы знаемъ, она разсматривалась съ точки зрѣнія ирбитской, елабужской, но никакъ не мировой “Европейско-Азіатскаго!

5) Съ указанной нами точки зрѣнія всѣ побочныя развѣтвленія желѣзной дороги чрезъ Уралъ съ направлениемъ на заводы могутъ удовлетворить только частнымъ интересамъ, какъ удовлетворить имъ уральская желѣзная дорога отъ Перми до Екатеринбурга, точно также какъ дорога на Казань или Вятку угодитъ мѣстнымъ провинциальнымъ интересамъ, но нужды и интересъ сибирскаго края и азіатскихъ путей останутся въ сторонѣ.

6) Въ данную минуту сибирская желѣзная дорога должна разсматриваться преимущественно въ интересахъ края, принимая во вниманіе главный транзитный путь въ Сибирь и въ Азію, наиболѣе населенныя мѣстности Сибиря, наконецъ водныя сообщенія края. Должно замѣтить, что слишкомъ южное направленіе пойдетъ по необитаемымъ степямъ или прикметъ насъ къ пустынямъ, минуя все центральную Сибирь, которой преимущественно должны служить пути сообщенія. Далѣе должно помнить, что сибирская желѣзная дорога не будетъ осуществлена сразу, доведенная же до Омска она изолируетъ Сибирь и товарамъ выгоды будетъ идти по прежнему съ Востока чрезъ Томскъ воднымъ путемъ на Тюмень. То же самое будетъ съ крайнимъ сѣвернымъ направлениемъ на Тобольскъ. Въ интересахъ края въ настоящее время важнѣе облегченіе внутреннихъ сообщеній и соединеніе главныхъ водныхъ бассейновъ Волжскаго и Обскаго, какъ и Енисейско-Обскаго. Соединеніе этихъ промежуточныхъ будетъ полезнѣе и настоятельнѣе. Съ этой точки зрѣнія и послѣднее направленіе съ Оренбурга на Омскъ также не выдерживаетъ критики. При разсмотрѣніи вопроса о продолженіи дороги внутрь Азіи, туркестанско-китайскія вѣтви не должны вѣять на главную сибирскую линію, имѣющую въ виду удовлетворить нужды русскаго края. Наконецъ, сибирская дорога должна разсматриваться не въ видѣ одной вывозной торговли изъ Сибиря, но развитіи

внутренней промышленности Сибири и взаимного обмена восточных областей.

Такова мѣстная точка зрѣнія, съ которой мы можем разсматривать настоящую, а не номинальную сибирскую желѣзную дорогу. Высказываясь такимъ образомъ, мы устранимся отъ всякой желѣзнодорожной политики и удѣляемъ настолько этому вопросу вниманія, насколько оно не заслоняетъ болѣе важные народныя и гражданскіе вопросы на Востокѣ. Окончательно и болѣе справедливо оно можетъ быть разрѣшено только тогда, когда сама Сибирь путемъ общественныхъ учреждений будетъ дана возможность всесторонне обсудить его и определенно высказаться.

Въ № 2-мъ „Восточнаго Обозрѣнія“ (стр. 10), помѣщена замѣтка о докладѣ г. Ройева въ „Обществѣ Сельскихъ Хозяевъ“. Нынѣ г-нъ Ройевъ проситъ редакцію возстановить смыслъ того, что онъ хотѣлъ выразить въ своемъ докладѣ. Мы охотно даемъ мѣсто этому письму, какъ подтвержденію выраженной у насъ мысли о томъ, что скудость сибирскихъ почвъ далеко еще не доказана.

„По поводу замѣтки „Восточнаго Обозрѣнія“ на мой докладъ, 16 марта, о переселеніи, я просилъ-бы редакцію испривить вкрадшуюся въ замѣтку неточность и тѣмъ возстановить въ моей мысли на докладъ г. Докучаева то значеніе, какое дано въ моемъ докладѣ на самомъ дѣлѣ. Съ Сибирью я знакомъ болѣе по книгамъ и только отчасти по рассказамъ переселенцевъ и другихъ бывалыхъ тамъ людей. Въ своемъ докладѣ я не говорилъ о скудости сибирскихъ почвъ и о непригодности ихъ для переселенцевъ, въ виду факта издавнаго поселенія ихъ тамъ; я сослался на докладъ г. Докучаева, въ видѣ примѣра, въ подтвержденіе, между прочимъ, того, что Сибирь не только переселяющимся туда крестьянамъ, но и администраціи пока мало известна съ той стороны, чтобы въ дѣйствіяхъ своихъ по регулированію переселенія послѣдняя могла быть практически полезной для переселенцевъ. *Ф. Ройевъ.*“

Въ № 3 мы сообщали извѣстіе объ отставкѣ военного губернатора Педаненко, связываемое съ ревизіей г. Галкина-Враскаго, а въ 4-мъ № объявленъ былъ помѣститъ присланное опроверженіе безъ всякихъ объясненій. Въ разъясненіе недоразумѣнія, мы считаемъ долгомъ теперь заявить, что извѣстіе это появилось до выхода № 4-го, еще 13 и 14 апрѣля, въ двухъ петербургскихъ газетахъ, замѣкъ оно фигурировало въ видѣ телеграммы съ мѣста, игнорируя которую, въ интересахъ новостей дня, мы не могли. По сообщеніямъ нами свидѣніямъ нынѣ оказывается, что собственно генералъ Педаненко пользовался въ Восточной Сибири среди жителей самой безукорыпной репутаціей и ни за какія злоупотребленія отвѣтствовать не могъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Изъ Омска (корреспонденція «Восточнаго Обозрѣнія»).

Западно-Сибирскій отдѣлъ Императорскаго Географическаго общества въ нынѣшнемъ году постановилъ снарядить двѣ экспедиціи: одну въ киргизскую степь, въ окрестности Балык-аула, оз. Денгизъ и по лѣвому берегу Иртыша, для геологическихъ наблюденій въ этомъ районѣ степи. Предполагено командировать для этого г. Кургукова съ выдѣломъ ему отъ 500 до 600 руб. субсидіи. Кроме того предполагается просить г. Адриана продолжать свои изысканія на средства отдѣла въ Томской губерніи на Алтай. Наконецъ, предполагено предложить г. Григорьевскому, въ Нарымѣ, не возмѣтъ ли онъ на себя трудъ собрать по программѣ отдѣла свидѣнія объ остоянкахъ и самовахъ, на что получить тоже нѣкоторую субсидію.

— Изъ Кулудж (Корр. «В. О.»). По полученіи нашими комиссарами отъ главнаго начальника Туркестанскаго края разрѣшенія на

уступку Дзинь-Цзянь-дзяню относительно перваго пункта ноты статс-секретаря Гирса, касающагося числа войскъ китайскихъ и ихъ расположенія въ Илійской долинѣ, ходъ переговоровъ пріобрѣтъ значительный успѣхъ, такъ, что было получено уже согласіе депутата отъ китайскаго правительства чин-саа Шен-тая на принятіе оставшихъ духъ пунктовъ, о чемъ онъ напишетъ бумагу. Дѣло значительно упростится, если Дзинь задержитъ нѣсколько пріобрѣтіе свое собственное и своихъ войскъ; объ этомъ ему писано и, какъ кажется, совѣтъ принять.

Что касается до Шен-тая, то онъ себя чувствуетъ здѣсь пока очень хорошо и представляется изъ себя челоѣка довольно покладистаго; все его кажуцался, на первый взглядъ, несовѣршенно объясняется малымъ знакомствомъ съ Дзинемъ, почему онъ не знаетъ, что и какъ ему держаться, чтобы не очень прогнѣвить своего генералъ-губернатора. Резоны принимаемъ и совѣтъ нашихъ дипломатовъ слушается; такъ по крайней мѣрѣ онъ ведетъ себя досель. Можно думать, что введеніе фактической китайской власти въ Илійской долинѣ, на практикѣ, почти не измѣнитъ настоящаго положенія нашей администраціи, а также настоящаго положенія здѣсь дѣль вообше.

Подготовленіе къ переселенію, частью и самое переселеніе кууджинскихъ выходцевъ, дѣятельно продолжается. Вершины обозовъ тагуютъ въ Дубулъ, Мулуи-Тамъ, Костъ-агацъ и Усекъ. Это со стороны таранчей. Дунгане, вѣдѣвствіе хозодовъ и дальняго пути, трогаются малыми партіями, но завѣрняютъ, что съ наступленіемъ теплыхъ дней поимутъ дружно, сразу. Дѣлы не возвращаются уже въ районъ, когда тамъ будутъ китайскія войска, они, съ разрѣшеніемъ комиссара, генералъ Фриде, устроили въ развалнахъ Тургеня, что близъ Борохузара, хлѣбный магазинъ, куда теперь свозятъ весь хлѣбъ, который не могъ быть ими проданъ, съ тѣмъ, чтобы вывезти его отсюда послѣднее, когда освободятся перевозныя средства, на поля мѣста. Таранчи собираются тронуться отсюда также весной, но при этомъ говорятъ, что бѣднѣіше изъ нихъ останутся здѣсь сдѣлать еще поспѣть и затѣмъ осенью, но сборъ жатвы, уйдутъ. Выяснить теперь, сколько будетъ такихъ бѣдняковъ, невозможно, такъ какъ волостные въ настоящее время заняты подготовленіемъ къ переселенію и сборомъ полатей; сами же таранчи насчитываютъ бѣдняковъ 20%, цифра можетъ быть и преувѣленная. Администрація старается употребить всѣ мѣры, чтобы богатые помогали бѣднымъ. Особенно много помогаетъ переселенцамъ купецъ Вали-ахунъ, который теперь у китайцевъ persona grata и забираетъ у нихъ всѣ поряды. Кромѣ извѣстнаго поряда на доставку разныхъ прокутовъ, ему поручены теперь поставка клеверу и заготовленіе бѣлья для китайскихъ войскъ; онъ заготовляетъ 30 т. паръ бѣлья, что показывать намѣреніе китайцевъ имѣть здѣсь не менѣе 10 т. войскъ, если считать, что каждый солдатъ будетъ имѣть не болѣе трехъ паръ бѣлья. По слухамъ же, китайцы насчитываютъ держать здѣсь до 40 т. войска.

Въ настоящее время идетъ выдача билетовъ и новѣрка списковъ переселенцамъ, записаннымъ въ число желающихъ перейти къ намъ въ прошломъ году; работа еще не кончена. Видя въ виду, что какъ бы аккуратно эти списки ни вѣлись, все-таки здѣсь, на мѣстѣ, могутъ вкратцѣ ошибки, комиссаръ проѣзжъ п. д. семірѣченскаго губернатора командировать особымъ чиновникомъ на Чарыгъ и Или у Борохузара, для проверки цифръ переселяющихся и списковъ здѣсь составленныхъ, а также для составленія вѣдомости о числѣ хлѣба, имущества и скота, которое повезутъ выходцы.

Кузнецк (Томской губ.) (Корр. В. О.). Увольнения, перемѣны и присоединенія чиновников *) бывших по Томской губ. въ 1881 г., коснулись и до нашего округа—всѣ высшая администрація въ нашемъ округѣ новая. Впрочемъ перемѣнились люди, но не перемѣнились нравы—вотъ одинъ случай, который довольно ясно характеризуетъ наши нравы. Хозяинъ дома, въ которомъ помѣщается кузнецкій клубъ, состоитъ членомъ этого клуба, но однажды, будучи выведенъ изъ клуба за дебошъ, взялъ да и выбылъ окна въ клубъ, оправдываясь тѣмъ, что домъ его, и онъ можетъ имъ распоряжаться, какъ хочетъ.

Вездѣтѣе нѣсколькихъ случаевъ заболѣваній въ Кузнецкомъ округѣ дифтеритомъ и тифомъ, 7 декабря минувшаго года было заведеніе кузнецкаго уѣзднаго комитета общественного здравія подъ предѣлательствомъ окружнаго исправника, и состоялся протоколъ комитета. Комитетъ этотъ, обсуждая восторженно всѣ данныя, способствующія развитію какой либо заразной болѣзни, не могъ не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что дурныя гигиеническія и санитарныя условія особенно скученнаго и бѣднаго населенія служатъ самой лучшей почвой для развитія появляющагося или принесеннаго извнѣ зла. Въ виду этого и въ предупрежденіе странннхъ бѣдствій, могущихъ постигнуть городъ и округъ единственно только послѣдствіе неотпрятности его, комитетъ постановилъ исполнить десять пунктовъ, изъ которыхъ дай Богъ выстоять хоть половину.

Нѣсколько помогутъ эти правила для борьбы съ болѣзнями трудно судить такъ, гдѣ одинъ медикъ на округъ, а теперь населеніе тамъ куда вопрошомъ обѣмъ устройствъ земской гонимы по кузнецко-томокому земскому тракту. Въ прежнее время гонимы по этому тракту устраивалась такъ: въ каждомъ селеніи, стоящему на этомъ трактѣ и составляющему ямъ для отбыванія земской гонимы, приспосабливалось нѣскольکو селеній, жители которыхъ обязаны были выставлять лошадей. Одинъ изъ нихъ выставляли своихъ лошадей, а другіе нанимали за себя; въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ иногда нанимаемы были годовые ямщики. Такъ шло дѣло до конца 1881 года и жалобъ ни отъ кого не было; но въ концѣ этого года вздумали въ каждомъ селеніи по кузнецко-земскому тракту, въ которомъ есть ямъ, непременно завести ямщиковъ. Участка два или три согласились завести ихъ, но остальные отказались, такъ какъ ямщики требуютъ съ каждаго участка не менѣе тысячи рублей въ годъ и еще извѣстную часть хлѣба по числу принадлежащихъ душъ къ участку. А извѣстно, какъ мужикъ дорожитъ конькой, наймной потомъ и кровью, да притомъ еще назъ кузнецкій крестьянинъ не очень зажиточен на деньги; это видно изъ того, что по пригласенію на пожертвованіе во время восточной войны, мужички съ удовольствіемъ жертвовали, но кто холстомъ, кто хлѣбомъ, а деньгами мало. Теперь же, когда завсуется ямщики, и по числу станцій отъ Кузнецка до границы томскаго округа **) которыхъ считается до пятнадцати, будетъ заплачено по тысячѣ рублей, итого пятнадцать тысячъ, то эти деньги пойдутъ въ карманы кулаковъ, такъ какъ крестьянинъ-хлѣбопашецъ ни за что не возьметъ гонимы, а ее возьметъ или кулакъ или мѣщанинъ, который тотъ же кулакъ и значитъ, пятнадцать тысячъ въ годъ населеніе должно затратить совершенно непроизводительно. Пользы отъ этой растраты

не будетъ никому и никакой, развѣ только то, что кто нибудь прокатится метеоромъ взадъ и впередъ по этому тракту. Населеніе же участвуетъ только въ несеніи тяжестей гонимы, но не имѣетъ права даже послать письмо или прошеніе черезъ волостное правленіе или сотника въ Кузнецкъ, и каждый житель округа, желающій подать прошеніе, долженъ ѣхать въ Кузнецкъ, такъ какъ въ іюлѣ 1880 г. послѣдовало распоряженіе, которое извѣстило, что кузнецкое окружное долинское управленіе при приемѣ сельскихъ почтъ отъ волостныхъ правеній замѣтило, что постоянно и разности сотникъ привозитъ частную корреспонденцію и посылки и разноситъ такуюю по городу почти цѣлый день, почему предшественники нынѣ же устранить приемъ частной корреспонденціи. Такъ безцеремонно поступаютъ въ нашемъ край съ населеніемъ!

— *Письмъ* (корреспонденція «Восточнаго Обозрѣнія»). Ишимская земля Никольская ярмарка, существующая съ незапамятныхъ временъ въ окружномъ городѣ Тобольской губерніи Ишимѣ и продолжающаяся съ 1-го по 25-е декабря, занимаетъ, безспорно, первое мѣсто въ средѣ ярмарокъ не только Западной, но и Восточной Сибири. Главные предметы оборотовъ ея составляютъ кожи, сало и масло, такъ какъ южные округа умянутой губерніи, при благопріятныхъ климатическихъ и территориальныхъ условіяхъ для скотоводства, съ прогрессивно увеличивающимся успѣхомъ занимаются этою отраслью сельскаго хозяйства, открывающія въ большомъ количествѣ скотъ, покупаемый въ киргизской степи. Главныя же пункты, откуда крупный рогатый скотъ, а также и бараны, отправляются въ округъ губерніи и за Уралъ—это Ташкентская ярмарка, существующая вблизи г. Петропавловска, Акмолинской области. Сюда съвозятъ громаднымъ количествомъ приносятся киргизами изъ своихъ степей для продажи русскимъ торговцамъ и для обмена имъ на желѣзо, мѣдь и разныя мануфактурныя издѣлія. Сало обрабатывается преимущественно на заводахъ Курганскаго, Ялуторовскаго и Ишимскаго округовъ и отсюда отправляется уже на ярмарки Ишимскую и Ирбитскую, или же прямо—въ Кунгуръ, Екатеринбургъ и Петербургъ. Кожи приносятся въ сыромъ видѣ изъ южныхъ округовъ Тобольской губерніи и обрабатываются въ Томскѣ, а также округахъ Курганскомъ и Ялуторовскомъ; кромѣ мѣтнаго употребленія, онѣ поставляются еще и для довольствія войскъ въ военное министерство, а также сбываются въ значительномъ количествѣ и на рынкахъ Средней Азіи, Восточной Сибири, на Нижегородской и Ирбитской ярмаркахъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ товаровъ на Ишимскую ярмарку привозятся колониальные, бакалейные и москательные товары, а также хлѣбъ, фабричныя, заводскія и мануфактурныя издѣлія, но сравнительно въ меньшемъ количествѣ и притомъ наличностью, тогда какъ кожи, сало и масло привозятся въ Ишимъ наличностью въ незначительномъ количествѣ, отправляясь съ мѣста своего нахождения прямо уже по назначенію, по окончаніи здѣсь миллионныхъ сдѣлокъ между продавцами и покупателями. Въ какой же степени прогресса увеличиваются въ послѣднее время обороты Ишимской Никольской ярмарки, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

	Привезено товаровъ.	Продано.
Въ 1877 г. на	4.656,000 р.	4.115,000 р.
» 1878 » »	4.850,000 »	4.390,000 »
» 1879 » »	4.868,000 »	4.442,000 »
» 1880 » »	4.892,000 »	4.380,000 »
» 1881 » »	4.918,500 »	4.283,500 »

Изъ этого видно, что привозъ товаровъ съ 1877 года по настоящее время увеличивается, тогда какъ сбытъ ихъ съ 1880 г.

*) Изъ Томскихъ губернскихъ вѣдомостей за 1881 г. видно, что всѣхъ уволенныхъ, причисленныхъ и перемѣненныхъ чиновниковъ было 130 человекъ, изъ нихъ только однихъ уволенныхъ 70 человекъ.

**) Мы здѣсь говоримъ только про томско-кузнецкій земскій трактъ, который идетъ отъ ст. Кокулдъ до Кузнецка, а то есть еще торговый кузнецкій трактъ, гдѣ тоже хотѣтъ завести ямщиковъ—тогда населеніе должно приплачивать еще болѣе.

началъ уже уменьшаться. Причину такого уменьшенія надобно искать не въ климатическихъ или санитарныхъ условіяхъ, а единственно въ упадкѣ общаго экономическаго состоянія въ средѣ населенія.

— Изъ Омска сообщаютъ въ «Сибирскую Газету» отъ 18-го марта: по городу нельзя ни пройти, ни пробѣжать. Сугробы снѣга и ухабы встрѣчаются на всѣхъ улицахъ. Многие жители безцеремонно вывозятъ снѣгъ и капаютъ въ средину улицы. Въ магазинѣ Баранова произведена кража ночью тысяча на шесть. Магазинъ находится на большой улицѣ около генералъ-губернаторскаго дома.

— Изъ Тары отъ 15 марта въ ту же газету пишутъ: въ ночь съ 1 на 2 февраля, въ 40 вер. отъ города совершенно зѣвкое преступленіе: убитъ, съ дѣлою грабежа, пользовающійся съ семьей— всего пять человекъ. Убийцами оказались сельские, въ томъ числѣ сельскіе итегійнаго заведенія, мѣшанинъ изъ сельскихъ Черныковъ, убиты и маленькіе дѣти. Изъ найденнаго имущества каждому злодюбу при дѣлѣхъ досталось по пяти рублей и въ три рубля обошлась загубленная душа. Тара кишитъ сельскими безъ занятій, Рядомъ постоянныхъ преступленій отражается на Сибиріи ссылка этихъ полонковъ русскаго общества!

ГОНИМЫЕ.

(Очеркъ изъ сибирскихъ нравовъ).

(Окончаніе).

— Позвольте не-то папирочку попопробую? спросилъ Иванъ Родионовичъ, увидя, что я закурилъ папиросу, и закуривъ началъ усердно всасывать въ себя дымъ.—Такъ вотъ, доложу вамъ,—началъ онъ, окруживъ себя облакомъ дыма.—Милы, милы они это дѣло, наконецъ закончили и представили его на разсмотрѣніе окружнаго суда; хорошо-съ! Только окружный судья, Матвій Карпыч Хлоповъ, теперь ужъ покойшикъ, не тѣмъ будь помянуть, въ одну-же дудочку этой шайкѣ подвизываться; вдругъ, какъ только представили они это дѣло, и соберась въ отпускъ, съ умысломъ ужъ это имъ было сдѣлано, чтобъ отклонить отъ себя это дѣло или нѣтъ, не могу судить, и какъ только получилъ разрѣшеніе и тотчасъ-же въ путь собрался; какъ старшій по чину, я и вступилъ въ исправленіе должности окружнаго судьи. Въ первое-то время я порѣшилъ было не прикасаться къ Аксеновскому дѣлу до прїѣзда его, пускай-де самъ какъ знаетъ, такъ и орудуетъ. Хорошо! Только чего дотрепъ никогда не бывало, забѣжало ко мнѣ однажды Иванъ Мирончыкъ, а прежде, доложу вамъ, не удостоивалъ и визитовъ мнѣ отплачивать. Ну, милости просимъ, благодаритъ за честь. Слово за слово, то да се, онъ и говоритъ мнѣ:—у васъ, говоритъ, представлено изъ земскаго суда на разсмотрѣніе дѣло объ убійствѣ вдовы Лихутинной-съ.—Есть, говорю.—Послѣвши, говоритъ, разсмотрѣть его, арестантъ содержится, и дѣло-то, говоритъ, пустячье, никакакъ сомнѣній, а то, говоритъ, я слышалъ, что мать-то арестанта поѣхала въ губернію съ жалобой, то какъ бы, говоритъ, запроса не послѣдовало о причинахъ медленности. И я отвѣчаю, что хоту-де оставить это дѣло до прїѣзда судьи Матвія Карпыча.—Почему? спрашиваетъ; да такъ, говорю, ужъ вѣль болѣе серьезныя дѣла до его прїѣзда оставляемъ.—Вотъ, говоритъ, пустяки какіе, онъ проѣздитъ по болѣзни четыре, пять мѣсяцевъ, а арестантъ будетъ сидѣть и дѣла накапливаться! Ну, уѣхалъ; нѣтъ, думаю, не возьмусь за это дѣло, словно сердце чуждо! Прощо еще такъ съ недѣлю время, опять Иванъ Мирончыкъ удостоилъ меня посѣщеніемъ и первый вопросъ: разсмотрѣлъ-ли дѣло?—Нѣтъ, говорю. Посидѣлъ онъ, посидѣлъ, да и говоритъ мнѣ: послушай моего добраго совѣта, Иванъ Родионовичъ, размотри дѣло, а то худо будетъ, если донесется до губернатора и губернскаго суда, что ты затягиваешь его. Задача было для меня это слово его. Ну, что, думаю, какъ донесетъ, тогда вѣдь и спрашивать не стану, почему медлю, а спихнуть за бездѣятельность, какъ блинъ со сковороды. Ну, думаю, была не была, пере-

кестился и приступилъ. Приступилъ и вижу, Господи Боже мой, кто убитъ черезъ каждое слово сквозить, а невиннаго человека въ острогъ заточили, подъ плети вѣдутъ. Важные свидѣтели или не допрошены, или допрошены безъ присяги, Аксеновъ въ ночь убійства Лихутинной самъ затопилъ печь вѣ избѣ, и сжегъ въ ней рубаху, порты и азмыгъ, а почему, для чего сжегъ—не разсѣдовано, и много такого-съ, чего ужъ не могу вамъ обсказать теперь, потому ужъ память-то измѣнилась и это подробно въ моихъ-то бумагахъ обозначено. Какъ разсмотрѣлъ я это дѣло и обидрился, дѣло кругомъ нечестное. Совѣтъ заговорила во мнѣ: чѣмъ это, думаю, невиннаго человека губить и у тебя рука не поднимется спасти его? Да развѣ я не прималъ присяги служить честно и правдой; да коли этакъ вѣсь будутъ молчать, такъ послѣ этого посередѣ улицы, кто побогаче, будетъ рѣзать да бить, а невиннаго человека схватятъ да судить будутъ, а? Нѣтъ, думаю, сколь въя ни сильны, господа, а законъ-то и правда все сильнѣе васъ. Жить-то мнѣ не съ вами доведется, а со своею совѣстью, да, долго не думая, составилъ постановленіе: что по разсмотрѣнію-молъ означеннаго дѣла въ виду таковыхъ-то и иныхъ обстоятельствъ, вытекающихъ изъ него, окружный судъ постановилъ пересѣдѣвать означенное дѣло, противу указанныхъ обстоятельствъ; арестанта, содержащагося въ острогѣ, Семена... Семена... ахъ какъ его, забылъ вотъ, чей бинъ онъ по провинцу-то, говорилъ онъ, припоянная и потирая лобъ, ну, не вспомнить,—з-эхъ да ничего, обойдемся,—освободить изъ подъ-ареста и отгдтъ подъ надзоръ общества до рѣшенія дѣла, а Аксенова въ виду таковыхъ-то неопровержимыхъ, хотя и недостаточно обстоятельныхъ уликъ арестовать, дабы отнять у него возможность уклониться отъ суда и слѣдствія; о настоящемъ постановленіи сообщить для надлежащаго свѣдѣнія господину начальнику губерніи, а самое дѣло возвратитъ въ земскій судъ, для пересѣдованія и исполненія. Не успѣлъ еще и заслушать какъ слѣдуетъ это постановленіе суда, какъ ужъ вѣсть эта пошла по городу. Прихожу я домой изъ суда, не съѣлъ еще и за столъ, Иванъ Мирончыкъ пожаловалъ, спрашиваетъ правду-ли онъ слышалъ то-то и то-то по дѣлу Аксенова?—Иправду, говорю.—Да ты, говоритъ, съ чего это взялъ убійцу-то освобождать?—А потому, говорю, чтобъ настоячаго на его мѣсто посадить, убилъ Аксеновъ, а не этого пареня какъ бинъ его... ну, Сементъ. Помолчалъ онъ, помолчалъ это, подумалъ, да и говоритъ: послушай, говоришь, меня, Иванъ Родионовичъ, спасибо мнѣ скажешь.—Из-

вотле, говорю, слушаю!— Не дбай ты этого, извори свое постановление, къ добру оно поведетъ! ты бѣдный человекъ, живи лучше помирнѣй... тысяча рублей тебѣ будетъ большая подмога, возьми и молчи!—Нѣтъ, говорю, Иванъ Мирончъ, хотя я и бѣденъ, а человѣческой жизнью торговать не буду; за што, говорю, будутъ бѣднаго парня плетми драть, а настоящей убійца—будетъ смѣрить да хитрякъ. Нѣтъ, не продамъ, говорю, своей совѣсти!—Ой возьми, говорить, драть его не будутъ, дѣло замнемъ, много што на поселене пойдетъ. И на это, говорю, не поступлюсь, Богъ и законъ поведаютъ правду бжества.—Такъ не хочешь говорить.— Не хочу!—Ну, прощай, говорить, такъ и разошлись. До того зѣнотъ разговоръ тогда, милостивый государь, меня въ преферансъ ввелъ, што по истинѣ доложу вамъ, я былъ какъ самъ не свой! Болитъ это сердце, щемитъ его, словно бѣду чувствую, ну, думаю, Господи Владыко живота моего, убрани унылый духъ мой, хоужу это молось до вздыхаю, жену покойницу прибилъ-съ.

— Е-то это за что-же, прервалъ я.

— Каюсъ, отпусти мнѣ, Господи, грѣхъ сей, прибилъ-съ. Со слезами это она приступила ко мнѣ: не задирайся, говорить, Ваня, послушай меня, сгубяйтъ! возьми, говорить, ты лучше зѣну тыщу, што дають и молчи. Бѣдные, говорить, мы люди, ужъ намъ ли совѣтъ соблюдать! Эхъ ты, говорю, такая саяка, гдѣ бы, говорю, поднять у мужа унылый духъ, а ты, говорю, сѣи слова мнѣ говоришь, вошелъ ты въ азартъ да хлѣвъ, хлѣвъ, и взыла только сердешная! дрожащимъ отъ слезъ голосомъ произнесъ онъ, и отеръ ладоною показавшіяся на глазахъ слезы.—Хорошо-съ! началъ онъ послѣ минутной паузы, подошелъ вечеръ, на дворѣ-то ужъ августъ стоялъ, темнѣло-то раненько. Вдругъ смотрю подбѣзжаетъ къ дому кучеръ горюничаго Гордѣева на дрогахъ, входить это ко мнѣ и говорить: Спиридонъ Евстафичъ Гордѣевъ приказали кланяться, просятъ въ гости къ себѣ и экипажъ прислали. Ну, я ужъ сразу сдогадался зачѣмъ зовутъ; кланяйся, говорю, болеть, не могу ѣхать! ушелъ онъ, не прошло и часу, сызнова прѣбзжаетъ съ запиской, навзвустъ ее даже помню: полно говорить, Иванъ Родиончъ болѣть-то, прѣбзжай, мы тебѣ подружески полѣчимъ; што, думаю, ѣхать аль не ѣхать? ѣхать, знаю что приступать будутъ, чтобы бросилъ свое намѣреніе, продать-бы совѣтъ, не ѣхать до поры до времени ссору заводитъ, а сердце вотъ такъ и говоритъ, сударь не ѣзди!.. не ѣзди!.. Ну, жена это сызнова приступила, побзжай, не заводи каплота! Ну, послушалъ ее, перекрестился и побзжалъ. Смотрю, Иванъ Мирончъ у него въ гостяхъ, начальникъ гарнизонной команды, еще человекъ три, четыре чиновниковъ изъ хвѣй шайки. Приняли меня, милостивый государь, съ любовью да лаской, не знаютъ куда и усадить. Вышелъ да вылей; не пью, говорю, едва отбиваюсъ; ну, вотъ идетъ время, часъ ужъ полагать одиннадцатый, вотъ они и налягъ на меня вѣзмъ-то оборомъ: брось, не сорсяя, умнемъ дѣло, въ отвѣтъ не попадешъ, вотъ, говорить, тебѣ, возьми полторы тысячи и будешь намъ первый другъ, орденъ выхлопочемъ, судей съѣдемъ, мы, говорить, все можемъ, брось!—Не могу, говорю, не пойду супротивъ закона и совѣсти, не могу! Гордѣевъ-то меня обнимаетъ, цѣлуетъ. Брось!—Не могу, говорю, не нудите, я своей совѣсти и чести господни! На моемъ, говорить, хочешь поставить, а? Гордѣевъ-то спрашиваетъ.— Богъ и законъ такъ, говорю, велѣтъ мнѣ, прощайте господа, возьмъ это шапку и вышелъ въ переднюю, и они всѣ за мной. Только что я хотѣлъ это шинель-то надѣтъ, Гордѣевъ снова спрашиваетъ: Такъ не хочешь, говорить, противъ насъ идешъ?

— Богъ и законъ, говорю.— Такъ вотъ, говорить, тебѣ Богъ твой и законъ!.. да какъ хватить меня, сударь, по лицу, у меня и свѣтъ изъ глазъ выкатился, и я не помню какъ слетѣлъ по лѣстницѣ внизъ со втораго этажа. Господа, вѣдь это разбой, есть-ли изъ васъ кто благородный человекъ! крикнулъ я, придя въ себя, но только услышалъ въ отвѣтъ хохотъ, и не знаю кто ужъ кинулъ мнѣ шинель и меня вытолкнули изъ дверей на улицу и захлопнули ихъ за мной. Пошелъ я домой въ какомъ ужъ состояніи; поудите сами, и горе-то и злоба душитъ. Иду, а слезы такъ вотъ и катятся. Идти-то отъ Гордѣева до меня нужно было по крайней мѣрѣ съ полверсты, фонарей нѣтъ, на улицѣ ни души, потому ужъ время-то позднее, ночь темная; иду, на половинѣ дороги, гдѣ проходилъ я, есть оврагъ и чрезъ него мостикъ. Только что я сталъ подходить къ мостуку, слышу ѣдетъ кто-то сзади; взвошелъ я на мостикъ и посторонился, когда ужъ дроги-то вѣхали на мостикъ и поровнялись со мной, гляжу Гордѣевскія дроги и кучеръ его и на дрогахъ сидятъ двое, но не господа, а такъ простаго званія люди; только что они поровнялись со мной, двое-то сидѣвшихъ соскочили съ дрогъ, схватили меня, а кучеръ ударилъ по лошади и ускакалъ, и крикнуть я, милостивый господинъ, не успѣлъ, какъ закутнули мнѣ шинелью голову и стащили въ оврагъ, потому ужъ очнулся-то я потомъ въ оврагѣ; ужъ какъ меня били, чѣмъ по чему— не скажу, потому сознание потерялъ. Только когда ужъ очнулся, а ужъ очнулся-то почтень передъ свѣтомъ, такъ у меня ни госоду нѣтъ, ни головы не могу поднять, ни ногой, ни рукой пошевельнуть. Долго я такъ лежалъ, чую только, что голова какъ въ огнѣ горитъ и поднять ее не могу! ползокъ ужъ, сударь, изъ оврага-то я выбрался, а у оврага стоялъ домъ мѣщанина Сизова. Проползу можетъ шаговъ пять, обнесеть у меня голову и сызнова пойду, только и думаю: пособи, Господи, не умереть безъ покаянія! Подползу наконецъ къ дому Сизова, собралъ что есть силы въ себѣ и крикнулъ: спа-си-те, да тутъ же и упалъ безъ памяти. Очнулся-то я, милостивый государь, ужъ у себя въ семьѣ никакъ на четвертые сутки. Послѣ ужъ мнѣ рассказали, что этотъ самый мѣщанинъ-то Сизовъ услышалъ, что около его дома кто-то крикнулъ «спасите», вскопчилъ, растворилъ ставенки-то у окна и видитъ что человекъ лежитъ замертво, испугался, легъ да и ни гу-гу, только жена и говоритъ ему, смотри какъ бы бѣды не нажить, поступимъ лучше къ сосѣдямъ. Побудили сосѣдей, собрался народъ, видятъ лежитъ человекъ замертво, безъ языка ужъ, весь въ крови, дали знать въ полицію, когда-то еще кварталный прѣбзжалъ да что, ну, подняли и доставили домой. Болѣе мѣсяца я болѣть-то былъ. Съ этихъ самыхъ поръ у меня и глаза стали слабѣть, и тѣсенія въ груди, и голову обонистъ, вотъ почему дочка-то и боится пущать меня одного, обнесеть этакъ внезапно голову и паденъ, закончилъ онъ и, глубоко вздохнувъ, отеръ глаза отъ накопившихся слез.—Ну што вамъ сказать, снова началъ онъ, поправился я и послалъ рапортъ губернатору, въ коемъ все описалъ, и дѣло Аксеновское и копію съ своего постановления по этому дѣлу, и какъ меня уговаривали бросить его, давали деньги, сулили орденъ выхлопотать мнѣ и мѣсто судьи, и какъ избѣли... послать. Слышимъ, пишутъ, ѣдетъ къ намъ губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій произвести по момъ выводу слѣдствіе. Слышу, милостивый государь, и господа Гордѣевъ и Канаевъ приуныли, почували, что ужъ далеко зашли. Вотъ въ это-то время-съ мнѣ и надо бы вотъ поосторожнѣй, почаще бы оглядываться около

себя; ну, сплеховалъ, каюсъ, не прозрѣвалъ до чего можетъ простираться человѣческая злоба и низость. Съ раннихъ лѣтъ, доложу вамъ, я питалъ пристрастіе къ охотѣ, особенно это первое мое удовольствіе было: какъ свободное время, возьмешь ружье и пойдешь вереть за десятыя, за пятнадцать отъ города, оно и средство къ пропитанію давало, набьешь уточекъ, рябчиковъ, куропаточекъ и, глядишь, недѣлю питаешься съ семьей; дичи-то обиліе, стада. И въ это-то время я не покидалъ сей привычки. Въ ну пору изниметь эта тоска, возьмешь ружье и пойдешь въ лѣса и какъ будто рукой снимешь, отдохнешь. Завсегда почти я ходилъ изъ города по дорогѣ къ селу Христороженскому, въ трехъ верстахъ оно отъ города, и какъ только спустишься съ горы, то при входѣ въ село стоитъ церковь, монастыремъ называется, монастырь тутъ былъ когда-то. Часто это, сударь, возвращаешься поздно ночью домой усталый, прежде чѣмъ подниматься въ гору, которая версты полторы вышиной-то, я имѣлъ обычай, присядешь на ступеньки-то у паперти, отдохнешь съ полчаса время, освѣжившись и пойдешь себѣ. Только однажды, доложу вамъ, ужъ такъ въ половинѣ сентября, иду я домой, погода-то теплая стояла, ночь; ну, время такъ по моему часъ десятый не болѣе. Въ селѣ все тихо, кое-гдѣ только по избамъ огоньки мелькаютъ. Хорошо-съ! Подошелъ я къ церкви и, ни мало ничего не думая, сѣлъ на ступенку, положилъ около себя ружье и сижу. Только вдругъ слышу подъ самымъ почестъ ухомъ крикнуть кто-то: «стой, держи, кружку у церкви сорвалъ!» Я исно и отглынуть не успѣлъ, какъ около меня выросъ мужикъ и схватилъ за руки, а съ нимъ и другой. «Что такое, что тутъ?» спрашиваю я, какое ты имѣешь право хватать меня, я чиновникъ!—А вотъ тамъ разберутъ кто ты!.. говоритъ онъ, а между тѣмъ другой-то крестьянинъ побѣжало знаетъ по селу, кричить: «выходи, ребята, церковь обокрали!» Изъ волости, точно какъ по сказанному, точно какъ будто ждали: волостной писарь въбѣжалъ, сотские, изъ вѣдь народъ сталъ высказывать; а меня держатъ какъ въ тискахъ. Писарь побѣжало, я ему объясню кто я, спрашиваю, что все это значитъ, требую составить актъ. «Слушаю-съ!» говоритъ. Принесли огня, смотримъ, крышка у кружки церковной оторвана, но деньги чѣды лежатъ. Тутъ ночной караульный крестьянинъ Макисовъ и съ нимъ другой, Антиповъ, и церковный сторожъ, старикъ уже, показали предъ всѣмъ обществомъ: «что они давно примѣтили, какъ я постоянно присаживался по ночамъ на церковной паперти и все какъ будто выжидалъ, когда на улицѣ никого не будетъ. Не знаа-де, что я за человѣкъ, они впади, будто въ сумнѣніе и не желая дѣлать фальшивой тревоги, молчали, но сговорились промежъ себя сдѣлать за мной до время, и Макисовъ и Антиповъ нарочно для этого вызывались не въ очередь ходить въ ночной караулъ. И вотъ, говорятъ, какъ увидяли, что я иду, притисались за церковно и видятъ, сѣлъ я на паперть... посядѣлъ маленько, оглядѣлся кругомъ, подошелъ къ кружбъ, опущалъ ее да вдругъ какъ равну съ нея крышкку гвоздемъ, они тутъ меня и накрыли и не дали время денегъ вынуть. Ну, что вамъ говорить дальше... предъ вами сижу, провонсъ отъ развѣда руками: во очію видите, что сдѣляли изъ человѣка...

— Кто-жъ вамъ устроилъ эту пакость?

— Канаевъ, кому-же болше-то? Владыко вѣдь былъ въ округѣ, а эти самые крестьяне Макисовъ и Антиповъ, сподручными были у него, черезъ нихъ онъ сбывалъ фальшивыя деньги, скупалъ скотъ, хлѣбъ и потомъ пере-

продавалъ. Видя, что дѣло ихъ со мной принимаетъ дурной оборотъ, они сдѣлали вѣрно за мной, подмѣтили мои привычки и устроили ловушку, чтобы погубить меня.

— А сдѣлать было произведено?

— Ка-а-акже-съ, они точтасъ-же донесли объ этомъ губернатору, ну, и пріѣхалъ чиновникъ особыхъ порученій и произвелъ сдѣлать объ избіеніи меня и о моемъ преступленіи. Всѣ бывшіе въ тотъ вечеръ у Гордѣева показали подъ присягой, что меня никто не билъ въ домъ его. Макисовъ, Антиповъ и церковный сторожъ тоже показали подъ присягой, что я сорвалъ крышку у церковной кружки. Что я могъ поддѣлать одинъ противъ всѣхъ: волочили, волочили меня, писалъ, жаловался, скорбѣлъ, доказывая, что это интрига, но изъ меня сдѣлали сумасшедшаго и заточили въ Нарымъ, и старикъ, понуриши голову, долго отиралъ накатывавшіяся на глаза слезы.—А Аксеновское дѣло такъ и замаянъ-съ. Вотъ, сударь, прежде къ намъ въ Сибирь хотъ ревизоровъ посылали. Вотъ еслибъ теперь нахлѣлъ какой ни на есть сенато-оръ, много, много-было зла накрылъ онъ, что и во сѣбъ тамъ въ Интеръ-то не видѣли, а здѣсь во очію творится. Убийства сплошь и рядомъ закрываются; коли ты блѣденъ, то какое-бы ни было у тебя правое дѣло, всегда проиграешь, конкурсы тянутся по тридцати лѣтъ, гдѣ председатели наживаютъ сотни тысячъ, а кредиторы не получаютъ ни копѣйки; а что съ казенными заводами и имуществомъ творятъ, такъ помилуй Богъ: всѣ сыты около нихъ, только казнь вѣчный убытокъ... о-охъ, Сибирь, Сибирь! и старикъ, снова показавъ головой, впаилъ въ какое-то забыть.

Посидѣвъ еще немного, онъ вдругъ вскопчилъ, и рассказавши въ извнѣніяхъ, заторопился домой, попросивъ позволенія бывать у меня и принести, какъ называлъ онъ, свои «руководренія».—Дочка-то сплеховалась, ума поди не приложитъ, гдѣ я... говоритъ онъ, выходя за порогъ. Я не удерживалъ его, и замѣтивъ, какое болѣзненное впечатлѣніе произвело на него воспоминаніе объ изнасилованіи его дочери, стѣснился напомнить ему объ этомъ эпизодѣ изъ его страдальческой жизни, который можетъ быть съ умысломъ былъ пропущенъ имъ въ своемъ рассказѣ.

Дня черезъ два послѣ посѣщенія старика, ко мнѣ зашелъ одинъ изъ моихъ пріятелей, старинный томскій житель, знавшій не только всѣхъ жителей этого города, но и біографію каждаго изъ нихъ. Я спросилъ у него: знаетъ ли онъ старика Маркова.

— Ты спросилъ бы лучше, кого я не знаю, съ прошею отвѣтилъ онъ,—а ужъ онъ не былъ ли у тебя?

— Былъ.

— И рассказывалъ тебѣ свою исторію, съ приложеніемъ рукотвореній... а?..

— Да... хотя рукотворенія обѣщавъ доставить на-дняхъ.

— Несчастный старикъ, несчастный... Это дѣйствительно жертва гнусной провинціальной интриги въ сибирскомъ вкусѣ. Теперь ужъ это подлусумасшедшій человѣкъ, сдѣлавшій общимъ посмѣищемъ. Ты вотъ принялъ его и онъ на-дняхъ къ тебѣ опять придетъ и снова расскажетъ тебѣ свою исторію... и затѣмъ каждый день будетъ ходить къ тебѣ и рассказывать ее. Онъ ужъ ни о чемъ болше не въ состояніи и говорить, какъ только о своемъ дѣлѣ. Все собирается пропечатать его, да никакъ газетнаго слога не можетъ изучить, несчастный. Объ одномъ только предупредить тебя надо, ты не вздумай предложить ему денежной помощи.

— А что?

— Избави тебя Господи, дерзостей наговорить. Я не нищий... не нищий-съ... и, милостивый государь, Божиею милостию, титулярный советник Государя моего... закричить на всю улицу, так что ты и жизни будешь не радъ, смѣясь закончить онъ свой отзывъ о нещастномъ старикѣ.

Н. Наумовъ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

«Голосу» телеграфируютъ:

Томскъ. 27-го апрѣля, 6 часовъ полудни.—Въ воскресенье, въ полдень, всмхнулся пожаръ въ бѣдѣвнѣйшей части города—заозерной. Сгорѣло 57 домовъ. Много погибло складовъ хлѣба. Многя семья лишены крова, имущества, всѣхъ средствъ къ существованю. Спусти нѣсколько часовъ, ночью, на Воскресенской Горѣ сгорѣло восемь домовъ, а вчера, въ поведѣльникъ, на Пескахъ, въ центрѣ города—четыре зданя.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НОВОСТИ.

— Парнелъ, Диллонъ, О'Келли, Девиттъ и другіе вожаки правдской партіи, депутаты и публицисты получили свободу. Въ тюрьмахъ осталось нѣсколько сотъ мелкихъ агитаторовъ, арестованныхъ по подозрѣнію. Всѣхъ заключенныхъ было до тысячи человекъ. Нужно надѣяться, что и эти жертвы репрессивной политики Англій скорѣй будутъ освобождены. Англійскіе лорды и министры наконецъ сознали, что практикованная ими мѣра не даетъ ожидаемыхъ результатовъ. Что творилось въ Англій послѣдніе годы? «Новое Время» рисуетъ такую картину вселенствъ англійской администраціи: «армия въ 50,000 человекъ охраняла порядокъ, но не могла охранить его, полиція въ сусаленномъ составѣ вынуждена была снѣтъ, уголовные суды дѣлали свое неблагодарное дѣло, администрація производила обыски и аресты, запрещала газеты, митинги были запрещены,—словомъ, всѣ орудія военнаго положенія были въ ходу, какъ въ испрѣйгельской странѣ, при этомъ смута не унималась, а росла и росла». Пора, давно пора было выступить англійскому правительству на примирительный путь и серьезно подумать о нуждахъ Ирландіи. Руководитель репрессивной политики Форстеръ, министръ по дѣламъ Ирландіи вышелъ въ отставку. Для Ирландіи наступили благоприятныя времена, если не помѣшать совершенно на дняхъ убійство. 24 апрѣля (6 мая) въ Фениксъ-паркъ убитъ: новый министръ по ирландскимъ дѣламъ лордъ Квендильш и товарищъ его по министерству Боркъ. Убитыя, изранивъ кинжалами свои жертвы, скрылись. Трупы убитыхъ найдены окровавленными и изуродованными, но находящимися при нихъ вещи и деньги не тронуты, что даетъ поводъ думать, что преступленіе совершенно съ политическою цѣлью; предполагая его протестомъ союза феничей противъ программъ примиренія, выставленной Парнеллемъ. Парнелль, Диллонъ и Девиттъ издали манифестъ земельной лиги къ ирландскому народу, гдѣ высказали твердую увѣренность въ глубокомъ сочувствіи ирландцевъ ко всѣмъ, искренно стоявшимъ за политику примиренія, и изъяснили надежду, что народъ на дѣлѣ докажетъ свое негодованіе къ убійству, озоршавшему доброе имя Ирландіи. Резиденція вице-короля, лорда Спенсера, въ Фениксъ-паркѣ охраняется сильными полицейскими постами. Всѣмъ полицейскимъ постамъ въ Ирландіи дано знаніе о совершенномъ убійствѣ; произведено уже нѣсколько арестовъ. 24-го апрѣля ирландцы праздновали освобожденіе своихъ вожаковъ, причемъ въ Балливъ произошло столкновение съ

полицією. Полицейскіе сержанты въ толпу и опасно равни нѣсколькихъ человекъ. Того-же числа слухающій на одной изъ желѣзныхъ дорогъ телеграфистъ Юнгъ, радъ вымолательства денегъ, угрожалъ въ письмѣ королевѣ Виктории смертью. Юнгъ арестованъ и преданъ суду исправительной полиціи. По слухамъ, уметвенныя способности Юнга находятся въ ненормальномъ состояніи. Многіе органы печати задаютъ вопросъ: что будетъ съ прандскимъ дѣлами? и не откажется-ли правительство отъ того новаго пути, который только что избрало? Но это значило-бы, что оно отвергаетъ всѣякія примирительныя начала, и игнорируетъ умпротвореніе крад. Надобно надѣяться, что единичное преступленіе, хотя и ужасное, не въ силахъ измѣнить направленіе внутренней политики страны и направить англійское правительство исключительно на путь репрессалій.

— Тройная рѣчь, произнесенная при открытіи германскаго парламента, отличалась умѣренными характеристиками. Въ ней было выражено, что въ случаѣ непріятія табачной монополіи и отклоненія другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ, имперское правительство должно будетъ отказаться отъ вслхкихъ преобразованій въ податной реформѣ. Князь Бисмаркъ очевидно сознаетъ, что распущеніе собранія не можетъ дать желательныхъ имъ результатовъ или, иными словами, угрозы ни къ чему не приведутъ. Вторая часть рѣчи вызвала болѣе сочувствія. Сущность ея состояла въ увѣреніи, что ни герцогиню-боснійскій, ни египетскій вопросы не предвѣщаютъ Европѣ серьезныхъ осложненій и что натянутость отношеній въ Россіи миновала. 21-го апрѣля (3-го мая) въ берлинской тюрьмѣ повѣсился прѣхавшій изъ Россіи студентъ Ринингъ; онъ находился въ предварительномъ заключеніи, но поодрѣно въ участіи въ политическомъ преступленіи.

— Въ Константинополѣ, какъ сообщаютъ иностранные органы печати, возобновились переговоры съ русскимъ посломъ г. Новиковымъ объ уплатѣ Россіи военной контрибуціи, что и задержало отъѣздъ г. Новикова въ Петербургъ. Турецкое правительство сдѣлало Австріи запросъ о намѣреніяхъ ея относительно Босніи и Герцеговины. Съ другой стороны, Турція не прочь послѣдовать примѣру Австріи и явиться въ Египтѣ исполнителншею рѣшениі Европы, но египетскія державы пришли къ заключенію, что вооруженное вмешательство Турціи можетъ только обострить египетскій вопросъ.

— Во Франціи палата депутатовъ приняла законопроектъ относительно похоронъ, совершаемыхъ безъ религиозныхъ обрядовъ, согласно которому, отданіе воиныхъ и другихъ почестей должно производиться на такихъ похоронахъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и при погребеніяхъ но религиозному обряду. Министръ-президентъ все еще высказывается противъ вмешательства Турціи въ дѣла Египта. Газета «Petit Algérien» сообщаетъ, что въ важной части Франскаго области произошло уже не первое столкновение между арабами и французскими войсками. Обѣ стороны потеряли значительный уронъ. Франція предлагаетъ египетскимъ державамъ проектъ Баррера о разрѣшеніи такъ-называемаго дунайскаго вопроса. Въ первомъ пунктѣ этого вопроса говорится, что примѣненіе регламента для дунайскаго теченія между Желѣзными Воротами и Галацкомъ поручается комисіи, въ которой Австро-Венгрія, Болгарія, Румынія и Сербія будутъ имѣть по одному представителю. Кроме того, въ комисіи будетъ находиться одинъ членъ европейской дунайской комисіи, который долженъ назначаться по алфавиту названій европейскихъ державъ. Французское правительство надѣется, что Россія приметъ этотъ проектъ. Такимъ образомъ Франція помѣшаетъ Австріи добиться согласія державъ на то, чтобы полиціейскій надзоръ за судоходствомъ по нижнему теченію Дуная былъ порученъ ей.

— Въ Болгаріи, по газетнымъ извѣстіямъ, со времени упраздненія народнаго собранія, партія недовольныхъ растетъ такъ быстро, что можетъ настать необходимость объявить даже осадное положеніе въ столицѣ княжества, Софіи. По

слушать, либеральная партия рѣшительно не мирится съ настоящимъ положеніемъ своей родины,—и въ случаѣ, если бы князю Александру почему-нибудь вздумалось не вернуться изъ своего путешествія-шпионства, болгары избрали бы своего правителя. На-дняхъ, въ домѣ типографа Янко Ковачева собралась небольшая сходка, о которой, согласно новому закону, городскія власти были оповѣщены. Полцивиермейстеръ, въ силу даннаго ему закономъ права, явился на сходку, но во избежаніе поговѣе долженъ былъ бѣжать. На слѣдующій день въ домѣ доктора Шиншанова была новая сходка. Жандармъ, стоявшій на посту, потребовалъ, чтобы улица была очищена отъ экипажей, тогда изъ дома выскочилъ Ковачевъ и нанесъ жандарму нѣсколько ударовъ тростью. Прокуроръ Осетровъ (русскій) поручилъ начальнику жандармовъ арестовать Ковачева. По другимъ извѣстіямъ, софійскому губернатору 25-го апрѣля (7-го мая) публично были нанесены побои за то, что онъ принималъ мѣры, съ цѣлью помѣшать радикаламъ провозвести враждебную князю демонстрацію.

Событія русской жизни.

Въ добавленіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы сообщали своимъ читателямъ о комиссіи статей-секретаря М. С. Каханова, извлекаемъ изъ «Правительственнаго Вѣстника» нѣкоторыя подробности о первомъ засѣданіи комиссіи 20 ноября 1881 года. Изъ журнала комиссіи видно, что была принята во вниманіе всеподданнѣйшая записка сенатора Шамшина о пропанежденной имъ ревизіи Саратовской и Самарской губерній и краткая историческая записка о ходѣ работъ по предмету составленія проектовъ мѣтнаго управленія, явивъ упрежденной комиссіи, состоявшей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того, поступило множество матеріаловъ и свѣдѣній изъ разныхъ министерствъ и главныхъ управленій, записки земствъ, получены еще не изъ всѣхъ губерній. Комиссія рѣшила пользоваться находящимися въ ея распоряженіи матеріалами, съ тѣмъ, чтобы свѣдѣнія, получаемыя во время хода работъ, были приобщаемы къ разрабатываемымъ матеріаламъ. На этомъ же первомъ засѣданіи комиссіи склонилась къ мнѣнію объ удобствѣ начать разработку вопросовъ, относящихся къ устройству низшихъ единицъ, такъ какъ предметами вѣдомства низшихъ единицъ обусловываются, главнымъ образомъ, предметы вѣдомства учреждений губернскихъ; при этомъ въ предварительныхъ работахъ ограничиться общими размерами вопросовъ и не вдаваться въ частности по отдѣламъ. Относительно губернскихъ учреждений предложено избѣгать ломки ихъ; что же касается мѣстностей, находящихся въ особыхъ условіяхъ, то ихъ исключительное положеніе будетъ имѣться въ виду только по окончаніи разработки общихъ вопросовъ.

— Въ настоящемъ 1882 году мнѣтъ тысячеклѣтнѣ историческаго существованія Киева. Киевскія газеты подняли-было вопросъ о празднованіи въ честь этого факта, но остальная печать не поддержала такого воззванія. По мнѣнію «Голоса», Россіи не до празднованія, если надъ нею тяготѣетъ забота о настоящемъ. Къ тому же и общество наше еще не пришло къ тому состоянію культуры, когда цѣнятся народомъ воспоминавія о важныхъ событіяхъ въ его исторіи.

— Приготовленія къ «Всероссійской выставкѣ» въ Москвѣ идутъ впередъ. Многие экспонаты явились съ продуктами своего хозяйства. Финляндскіе отдѣлы уже совсѣмъ готовы. Изъ Москвы получаютъ свѣдѣнія о различныхъ приготовленіяхъ ко дню коронаціи Ихъ Величествъ. Въ Кронштадтѣ, какъ гонораръ «Новости», императорская яхта «Державна», назначенная въ кампанію сверхъ программы плаванія, поспѣшно вооружается, дарскіе поконъ отдѣлываются. По слухамъ, яхтѣ предстоитъ плаваніе съ Августѣйшими Особами къ берегамъ Даніи.

— Департаментъ земледѣлія и сельской промышленности, по примѣру 1881 года, не довольствуясь официальными свѣдѣніями о положеніи нашего хозяйства, обращается къ част-

нымъ лицамъ, земледѣльцамъ и другимъ хозяевамъ, съ предложеніемъ сообщить ему о поспѣвахъ и урожаѣхъ, о состояніи домашняго скота и пчѣвахъ на рабочихъ рукахъ. Департаментъ ищетъ дѣлю, при составленіи точныхъ статистическихъ свѣдѣній, слѣдить за измѣненіями въ сельско-хозяйственной промышленности изъ года въ годъ и быть посредникомъ между хозяевами, такъ какъ свѣдѣнія будутъ опубликовываться.

— 27 апрѣля состоялся юбилей С. П. Боткина. Чествованіе проехало въ залахъ городской думы, которыя едва могли вмѣстить всю массу публики; было прочтено множество адресовъ и телеграммъ. Среди усердныхъ и почтительныхъ почтеннаго юбиляра собирается подписка на устройство народнои школы имени С. П. Боткина.

— Графъ Осдоръ Петровичъ Литке подалъ въ отставку по званію президента академіи наукъ.

— Начальникъ главнаго управленія казачьихъ войскъ, генералъ-лейтенантъ Богуславскій, назначенъ членомъ военнаго совѣта, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ; помощникъ начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ, генералъ-майоръ Золотаревъ, назначенъ исправляющимъ должность начальника управленія, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ.

— По слухамъ, передаваемымъ «Голосомъ», харьковскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ князь Святославъ-Мирскій, по прошенію, увольняется отъ должности. Съ его увольненіемъ харьковское генералъ-губернаторство упразднится. Такъ какъ харьковскій генералъ-губернаторъ, по обычному порядку, соединяетъ съ этою должностію и главное начальство надъ военнымъ округомъ, то, съ увольненіемъ генералъ-губернатора, въ Харьковѣ будетъ назначенъ только начальникъ военнаго округа.

— Въ «Совр. Изв.» помѣщена слѣдующая замѣтка о казненномъ юбилей генерала Стрѣльникова — Желваковѣ:

«Желваковъ принималъ дѣятельное участіе въ студенческомъ центральномъ кружкѣ», устройшемъ скандалъ на актѣ 8-го февраля 1881 г. и разбрасывавшемъ отъ своего имени на томъ же актѣ безграмотныя прокламации. Едва ли не черезъ него университетскій центральный кружокъ имѣлъ сношенія съ технологическимъ институтомъ; два дня передъ актѣ 8-го февраля въ университетъ явились делегаты отъ технологическаго института; въ одной изъ отдѣленныхъ аудиторий была устроена сходка, куда не допускались вовсе лица, заявившія себя враждебно демонстраціи 8-го февраля, и гдѣ, какъ слышно, делегаты объявили о твердомъ мнѣніи студенто-технологовъ (вѣроятно, извѣстнаго кружка) усердно скандальнѣ графу Лорисъ-Меликову, чего, какъ извѣстно, не привели въ исполненіе. Тотъ же Желваковъ принималъ участіе въ оскорбленіи профессора Менделѣва; г. Менделѣвъ на другой день постѣ акта высказалъ свое порицаніе скандалу, за что былъ засланъ анонимными ругательскими письмами».

— Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ захворалъ жабою; докторъ Шварцъ предсказалъ ему полное спокойствіе, а потому и намѣреніе знаменитаго романиста прѣхать въ Россію отложено. Онъ остается на неопредѣленное время въ Парижѣ.

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

— Къ исторіи крестьянскаго вопроса въ Сибіри и отношенія къ нему мѣстныхъ администрацій явился новый историческій матеріалъ.

Въ февральской книжкѣ харьковскаго журнала «Миръ» помѣщена небольшая, но интересная статья П. С.—го: «Крѣпостные крестьяне въ Сибіри». Авторъ въ настоящей статьѣ описываетъ исторію уничтоженія крѣпостнаго права въ Сибіри. «Существуетъ мнѣніе, говорить онъ, что въ Сибіри не было крѣпостнаго права, и сами сибиряки охотно поддерживаютъ его, не безъ гордости заявляя, что почва ихъ родимъя никогда не была осквернена величайшимъ изъ общественныхъ злѣхъ, рабствомъ». На дѣлѣ было, однако, не совсѣмъ такъ и факты, прино-

диме бы статья, свидетельствуют, что такое мнение односторонне; къ моменту освобождения въ Европейской Россіи оказалось крестьянских въ Восточной Сибири 624 и въ Западной 2,900 д. об. в. Дожность мнѣнія была бы еще яснѣе обнаружена, если бы авторъ не ограничился исторіей крестьянскихъ крестьянъ земельладельцевъ, а имѣлъ въ виду также подавляющихъ крестьянъ атайскаго горнаго округа. Крепостное сословіе явилось въ Сибирь вопреки категорическимъ запрещеніямъ правительства; императоръ Николай, на проектъ графа Киселева въ 1839 г. объ отводѣ земель въ Сибирь для поселенія западныхъ крестьянъ, рѣшительно отвѣтилъ: «ни въ какомъ случаѣ поселеніе помѣщичьихъ крестьянъ допущено въ Сибирь быть не можетъ». Высшіе чиновники въ Сибирь, обыкновенно принадлежавшіе къ классу помѣщиковъ Европейской Россіи, перѣдко пытались обойти эти запрещенія. Въ 1843 г. одинъ горный чиновникъ возмѣнилъ мысль обогащать Сибирь проектомъ «о колонизаціи общинныхъ крестьянъ для улучшения сельскаго хозяйства и золотопромышленности», и несмотря на то, что этотъ проектъ, по докладу Каверина, угадывая истинный смыслъ его, призналъ «несоответствующимъ видамъ правительства», десять лѣтъ спустя генералъ Анисенковъ, ревизовавшій Сибирь, подавъ всесоудавишшую записку, въ которой предлагалъ образовать въ Сибирь «высше по дворянское сословіе посредствомъ раздачі земель за службу и продажи ихъ въ частную собственность, съ разрѣшеніемъ водворять на нихъ крестьянъ на правахъ общинныхъ». Сибирскій комитетъ въ 1852 и 1853 г. отвергъ это предложеніе на томъ основаніи, что «водвореніе въ Сибирь крепостныхъ крестьянъ высочайшею волею рѣшительно запрещено». И тѣмъ не менѣе, предъ крестьянской реформой, въ Сибирь оказались крепостные. Этотъ фактъ отлично доказываетъ, какъ недостаточенъ для Сибиря одинъ генералъ-губернаторскій надзоръ за исполненіемъ предначертаній верховной власти, направленныхъ къ благу мѣстнаго населенія. Во время освобожденія крестьянскихъ крестьянъ въ Европейской Россіи, составленіе первоначальныхъ мнѣній о порядкѣ освобожденія сибирскихъ крестьянъ было возложено на губернскіе совѣты; мнѣнія были составлены въ крестьянскомъ духѣ; крестьянъ предполагалось еще на 12 лѣтъ оставить на своихъ земляхъ; право собственности на землю оставить за помѣщиками, крестьянамъ предоставлено выкупать усадьбы по соглашенію съ помѣш. окт. Эти мнѣнія губернскихъ совѣтовъ наши энергическую поддержку въ генералъ-губернаторѣ Гасфордѣ. Заданши себѣ цѣлью на улучшение быта крестьянъ, а заботу объ интересахъ одиннадцати сибирскихъ помѣщиковъ, генералъ Гасфордъ рассуждалъ такъ: при изысканіи земель въ Сибирь для помѣщика обязательный трудъ имѣетъ неоспоримое преимущество предъ свободнымъ, и если помѣщичьимъ крестьянамъ не будетъ преграждена возможность нанять для обработкѣ земли у государственныхъ крестьянъ, то сибирскіе помѣщики будутъ вѣчно въ затруднительномъ положеніи; поэтому они полагали: государственнымъ крестьянамъ рѣшительно воспретить допускать на свои дачи помѣщичьихъ крестьянъ; затѣмъ придумалъ, сверхъ мнѣнія совѣтовъ, нѣсколько новыхъ стѣсненій для выхода крепостныхъ изъ орочинообразнаго состоянія по истеченіи 12 лѣтъ, и кромѣ обязательной нормы надѣла въ 8 десятинъ, допустить норму меньшаго надѣла въ 5 десятинъ. Проектъ Гасфорда, съ такой крестьянскій заваской, не могъ удовлетворить министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго; въ виду малочисленности сибирскихъ крепостныхъ, реформа ихъ была представляема дѣломъ болѣе легкимъ, чѣмъ въ Европейской Россіи; министръ находилъ возможнымъ купить въ частныя мнѣнія въ Сибирь за 100 тысячъ рублей, крестьянъ прямо перечисленія въ государственные безъ всякаго переходнаго состоянія и такимъ образомъ покончить съ крестьянскою реформой, не докладывая освобожденія крестьянъ въ Европейской Россіи. Однако Ланской встрѣтилъ противника своему предложенію въ министръ государственныхъ имуществъ Муравьевѣ, известномъ иппенскому дѣлятелю. По мнѣнію послѣдняго, «въ выкупѣ казенно земли для помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибирь не представляется вообще никакой существенной надобности» и «что, вообще, не представляется уваженій, по которымъ можно было бы желать устройства помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибирь прежде постановленія правилъ по сему предмету въ великороссійскихъ губерніяхъ». Несмотря на то, что министръ Ланской энергически протестовалъ противъ этого жесткаго отъказа словами: «помѣщичьи крестьянъ въ Сибирь, находясь среди свободныхъ людей въ незначительномъ числѣ; видя, что даже сельско-поселенцы пользуются лучшею участіемъ, чѣмъ они, замѣчая, что для нихъ только однихъ не-

доступно безпретѣсное пользованіе общими изобиліемъ мѣстныхъ удобствъ, и въ настоящее время едва сносить крепостную зависимость, дѣло освобожденія сибирскихъ крестьянъ, крестьянъ оттянулось до общаго освобожденія крестьянъ въ Россіи. Такимъ образомъ реформа, осуществленіе которой представлялось въ Сибирь сравнительно болѣе легкимъ, чѣмъ въ Европейской Россіи, была отложена до рѣшенія общаго вопроса. Не такъ бы это вышло, если бы и страна, дѣти которой, хотя бы и по заблужденію, гордились отсутствіемъ рабства, были какіе-нибудь органы для заглашенія своего мнѣнія. Миссіею посредника между жителями населеніемъ и верховной властью долженъ бы инициативно и соответственно выдавать послѣдней исполнять генералъ-губернаторъ, но изъ исторіи крестьянскихъ крестьянъ въ Сибирь видно, что это не всегда такъ бываешь, и если бы сибирская исторія стала предметомъ изученія, то вѣроятно отъ Пестеля до Гасфорда не мало бы нашлось пріятно, когда эта высшая мѣстная власть становилась въ противорѣчіе съ видами правительства.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 27 апр.: Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс.: 247¹/₂ пенса за рубль., на Парижъ 257¹/₄ сантим., на Гамбургъ 209 пфен., съ курсомъ рублю. Полуиммеріалъ по 8 р. 03 к., рубль сереб. по 1 р. 35 к., безъ дѣл. 5⁰/₁₀ бил. Госуд. Банка 1 вып. 93¹/₂, 2 вып. 90³/₄, 3 вып. 91, 4 вып. 90¹/₂, 5 вып. 90¹/₂. Восточный заемъ 90³/₄, 5¹/₂ % реп. 98³/₄, 5⁰/₁₀ перв. выпр. заемъ 218¹/₂. Втор. выпр. заемъ 212, 5⁰/₁₀ закл. лист. общ. заемн. позем. кред. (металл.) 129¹/₂, (кред.) 86, Акт. парох. Общ. «Самолетъ» 190, акци. общ. «Кавк. и Мерк.» 490, акт. Сиб. Учет. и Ссуд. Банка 450, акт. Межд. ком. бан. 360, акт. Рус. для вытн. торг. банка 268, акт. Сар.-Сиб. зем. бан. 115, акт. Сиб. торг. банка 360, акт. Главн. Общ. Рос. ж. д. 256, акт. Рыб.-Бол. ж. д. 82, акт. Гряз.-Цариц. ж. д. 88. О настроеніи биржи можно замѣтить одно, что дѣль съ бумагами никакихъ не было и всю нефтью продолжалось бездѣлье. Дисконты безъ перемѣнъ.

ПРОДАЕТСЯ ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЕДШАЯ ИЗЪ ПЕЧАТИ
БРОШЮРА:

300-ЛѢТІЕ СИБИРИ.

Празднованіе въ Петербургѣ въ Москвѣ дня
октября 1581 года.

Цѣна 75 коп.

Брошюра издана съ благотворительной цѣлью, а потому принимаются и добровольныя пожертвованія. Удовлетворяются и письменныя требованія.

По Надеждинской улицѣ, въ д. № 22, кв. 34. Ежедневно (не включая и праздничныхъ дней), съ 11 часовъ утра до 3 ч. пополудни.

Тутъ же распродаются, по пониженной цѣнѣ, оставшіеся непроданными экземпляры 1-го тома и 1-го выпуска 2-го тома, «Сборника историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о СИБИРИ», а равно 1-й и 2-й выпуски брошюры «Пятидесятилѣтіе 2-й С.-Петербургской гимназіи. Воспоминанія».

Съ требованіями можно обращаться: въ С.-Петербургъ: въ книжный магазинъ газетъ «Новости» (Невскій, противъ Гостиннаго двора, № 44) и въ Москву у Р. Я. Талія (въ Воспитательномъ домѣ).

ТРИ ВОПРОСА.

I. Улучшеніе устройство сельской общины. II. Ассигнаціи-денги. III. Чему и какъ учиться.

В. ВАСИЛЬЕВА.

Продается въ квартирѣ автора, С.-Петербургъ, Фонтанка, д. 117 и въ конторѣ редакціи «Восточнаго Обозрѣнія».

Продолжается подписка на журналъ

«ВЪКЪ»

(ЛИТЕРАТУРНЫЙ, УЧЕНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ, по формату и по программѣ первой книги.

Примечаніе: При Историческомъ и Славянскомъ отдѣлахъ будутъ прилагаться портреты выдающихся дѣятелей: Русскихъ, Польскихъ, Чешскихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ.

Въ журналѣ примутъ участіе лучшіе беллетристы; а въ ученое, славянское, историческое и юридическое отдѣлахъ—многіе изъ профессоровъ нашихъ университетовъ и талантливѣйшіе изъ *Славистовъ*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ. 6 мѣс. 3 мѣс. 1 мѣс.

Безъ доставки	14 р. 7 р.	4 р. 50 к.	2 р. — к.
Съ достав. въ Петер.	15 > 8 >	4 > 75 >	2 > 25 >
Съ Перес. въ др. гор.	16 > 10 >	5 > — >	2 > 50 >

Книгопродавцы пользуются обычаемъ уступкою.

Главная контора журнала «Вѣкъ» помѣщается въ С.-Петербургѣ, по Офицерской, домъ № 15, кв. № 18.

Иногородныхъ проситъ преимущественно обращаться въ главную контору.

Издатель-Редакторъ М. Филипповъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННАГО ВѢСТНИКА“

ВЪ 1882 ГОДУ.

Полуежедневное изданіе, выходящее безъ предвар. цензуръ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 1882 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія «Календарь для духовенства», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, мы имѣемъ въ виду помѣстить собраніе законовъ, относящихся какъ къ организаци центрального управленія духовнаго вѣдомства, такъ и къ разнообразнымъ правамъ и обязанностямъ духовенства, замѣстивъ ихъ, частью изъ Полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи, частью изъ дѣйствующаго «Свода Законовъ», а равно и изъ другихъ источниковъ.

При «Календарѣ» будетъ приложенъ также подробный адресс-календарь лицъ служащихъ по духовному вѣдомству, просвѣщеныхъ архіереевъ, начальствующихъ и учащихся въ духовныхъ заведеніяхъ и пр.

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣстн.» тѣ же, какъ и въ предыдущіе годы, т. е. на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на три мѣсяца 2 р. 50 к., на мѣсяцъ 1 р. Годовая цѣна за границы 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Общественнаго Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 3, кв. 5.

Редакторъ-Издатель А. И. Поновичкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛГА.“

НА 1882 ГОДЪ.

Газета «ВОЛГА» выходитъ изъ гор. Саратова, по понедельникамъ, средамъ, и пятницамъ, а въ остальные дни, по мѣрѣ поступления матеріала въ редакцію, будутъ выходить прибавленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ пересылк. въ друг. города на годъ 4 р., на 6 м. 3 р., на 3 м. 1 р. 50 коп., на 1 мѣсяцъ 75 к.

Письма и деньги адресуются: въ САРАТОВЪ, въ редакцію газеты «ВОЛГА».

Редакторъ-издатель Г. Н. ЮРЕНЕВЪ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

въ 1882 году

(ГОДЪ ТРЕТІЙ).

Въ 1882 году «РУССКОЕ БОГАТСТВО» издается въ томъ же напечатаніи, какъ и первые два года своего существованія, и при участіи слѣдующихъ постоянныхъ сотрудниковъ:

Л. Алексѣева, А. С. Комарова, П. В. Выкова, П. В. Засодимскаго (Вологодина), А. С. Комарова, А. П. Мичурина, С. Ни — вой, В. О. Португалова и И. М. Рева.

Въ выходящихъ трехъ книжкахъ «Русскаго Богатства» за 1882 годъ помѣщаются: I. Что слѣдуетъ и пожелать. Романъ. Л. Валеской. — II. Вина. Рассказъ. Владимиръ Вязомерова. Историческіе эскизы. И. М. Досити. Рассказъ. В. I. Дмитриевича. — III. Гигіена и народъ. М. Писарева. Жена Бандера. Рассказъ. Дюна Габрерона. Пѣсни Мирамъ Шаши. (Фр. Боденштедта). П. Якубовича. — IV. Ботльятская учительница. Рассказъ. Дюна Габрерона. V. Какъ мы воевали. (Воспоминанія штабскаго о войнѣ). Юянина. Между жизнью и смертію. Рассказъ. Сергѣя . . . ского. — VI. Бакалавръ. Романъ. Жюль Валеса. Еще объ Украинцахъ. Ураганова. — VII. Красное животное. (По поводу «Наша»). И. Засодимскаго. Повесть съ далекима слера. (Послѣд. повѣст.). И. Рева. — VIII. Много-словъ мало дѣла. А. Казанскаго. — IX. Стихотворенія: А. Барыкова, К. Л. М., М. Соймонова, Илья, И. Селианова, В. А. — ва. — X. Хроника внутренней жизни. — XI. Политическая хроника. — XII. Литературная хроника. (Обозрѣніе журналовъ и книгъ). — XIII. Смѣсь.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 15 до 20 листовъ.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкою 8 р., безъ пересылки и доставки 7 р. Допускается расценка: при подпискѣ 5 р., остальныя деньги по выходу шестой книжки. Подписка принимается въ конторѣ редакціи, С.-Петербургѣ, Замеская ул., д. № 11.

При открытіи книжн. слуха, объ высылкѣ по требованію всякаго рода книги и при этомъ пересылку принимается на свой счетъ, кромѣ казенныхъ изданій.

Редакторъ П. В. Выковъ.

Издательница С. Н. Вашина.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

СТРАНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

3 РАЗА ВЪ НЕДЕЛЮ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ ЛЕОНИДА ПОЛОНСКАГО.*

Подписка на 1882 году. Иногородные присылаютъ деньги въ редакцію «СТРАНЫ»: Петербургъ, Пески, 1 ул. № 8. Городская подписка принимается въ конторахъ: при книжномъ магазинѣ И. Г. Мартынова, Невскій 46, а въ Москвѣ—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, д. Коха. Книгопродавцы получаютъ обычную уступку.

Подписка на годъ съ пересылкою и доставкой 8 р.; на полгода 5 р.; на три мѣсяца 2 р. 50 к.; на два—1 р. 75 к.; на одинъ мѣсяцъ 1 р.

«СТРАНА» будетъ издаваться по прежней программѣ, включая политическія статьи по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ, статьи экономическія, литературныя, юридическія, по части искусства, вѣстия, постоянныя корреспонденціи изъ русскихъ городовъ и изъ Варшвы и сельской общественной жизни, съ театральнымъ обозрѣніемъ.

Въ каждомъ номерѣ, по возможности, будетъ помѣщаться сельская или другая статья для легкаго чтенія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ПОЛУЧЕНІЕ ВЪ ТЕЧЕНІИ 1882 ГОДА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДЕЛЯ,

которая будетъ издаваться

ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкою за годъ—6 р., за полгода—4 р., за 3 мѣсяца—3 р., за одинъ мѣсяцъ—1 р. Расценка допускается по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ, по Васнецовской улицѣ, въ домѣ Полковой и въ отдѣлнхъ конторахъ, въ С.-Петербургѣ, у А. А. Ивановскаго, главнаго комиссіонера казенныхъ горныхъ заводовъ.

Редакторъ П. Штейнфельдъ.

Издательница А. Полкова.